

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 4 2020

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин
кандидат исторических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан),
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
В. М. Минияров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия)
М. П. Мохначева, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Е. Н. Сердобинцева, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Д. Г. Кукарников, кандидат философских наук, доцент (Воронеж, Россия)
Н. В. Осипова, кандидат социологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Е. П. Фуреева, кандидат педагогических наук (Волгоград, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2020.
© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2020.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 4 2020

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Boris Doroshin
candidate of historical sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Yerevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia)
I. G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
J. Tancosova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia)
M. P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
E. N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
doc. **Diana V. Efimova**, CSc. (docent v oboru psychologie – Penza, Rusko)
Dmitry G. Kukarnikov, Candidate of Philosophical Sciences, assistant professor (Voronezh, Russia)
Natalia V. Osipova, Candidate of Sociological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Elena P. Fureeva, Candidate of Philological Sciences (Volgograd, Russia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2020.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2020.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Лавринова Н. Н.**
Ценностные аспекты информационного общества.....9
- Муравьёва М. Е.**
Проблема взаимоотношения государства, церкви и личности в русской философии
XIX – начала XX веков12

ФИЛОЛОГИЯ

- Амирова Н. С.**
К проблеме моделирования ситуации зрительного восприятия в работах
турецких ученых (в аспекте теории А. Виберга)18
- Кривошапкина А. А., Васильева А. А.**
Лингвистическая характеристика Интернет-рекламы в КНР
(на материале торговой площадки ТАОБАО)23
- Кусовская И. В.**
Обучение студентов инженерного вуза письменной деловой коммуникации
на немецком языке в условиях реализации ФГОС 3++.....26
- Логачева М. И.**
К проблеме систематизации некоторых видов семантических отношений
в английской фразеологии.....30
- Нормаматов С. Э.**
О литературном языке периода джадидов37

ПРАВО

- Бышов Д. В., Барановская В. П.**
Некоторые правовые вопросы деятельности ветеринарного врача44
- Бышов Д. В., Лебедева П. В., Швецова С. Г.**
Правовые особенности в вопросе о распространении нанобиотехнологий47
- Бышов Д. В., Мишина А. Ф., Черакшева Д. А.**
Эколого-правовой режим животного мира. Красная книга50
- Бышов Д. В., Павлюченкова О. А.**
Вопросы юридической ответственности за жестокое обращение с животными53
- Ураева И. В., Мостяева М. В.**
Документационное сопровождение процесса учреждения акционерного общества56
- Шамне А. Н.**
Актуальные правовые и социальные проблемы в сфере иммиграции
(на примере ФРГ)59

ПСИХОЛОГИЯ

Карелина И. О.

Динамика развития у дошкольников эмоционального интеллекта как способности к пониманию и регуляции эмоций..... 62

Храмова Т. К.

Аутентичность в контексте самореализации личности..... 75

Черноморец Т. В., Звонова Е. В.

Проблема готовности банковских служащих к внедрению инновационных программ 78

ПОЛИТОЛОГИЯ

Rakhmonov Kh. Kh.

Participation of women in the socio-political life of Uzbekistan..... 82

Правила для авторов 86

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2021 году..... 88

Информация о научных журналах..... 90

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 91

CONTENTS

PHILOSOPHY

- Lavrinova N. N.**
Value aspects of the information society9
- Muravyeva M. E.**
The problem of the relationship between the state, church and personality
in Russian philosophy of the XIX – early XX centuries.....12

PHILOLOGY

- Amirova N. S.**
On the problem of modeling the situation of visual perception in the works
of Turkish scientists (in the aspect of the theory of A. Viberg)18
- Krivoshapkina A. A., Vasilieva A. A.**
Linguistic characteristics of online advertisement in China (on the material of TAOBAO
trading platform)23
- Kusovskaya I. V.**
Teaching students of an engineering university in written business communication
in German under the conditions of FSES 3++ implementation26
- Logacheva M. I.**
Systematizing approach to some kinds of semantic relationship in English phraseology30
- Normamatov S. E.**
About the literary language of the Jadid period37

LAW

- Byshov D. V., Baranovskaya V. P.**
Some legal issues of the activity of a veterinarian.....44
- Byshov D. V., Lebedeva P. V., Shvetsova S. G.**
Legal features in the issue of the spread of nanobiotechnology.....47
- Byshov D. V., Mishina A. F., Cheraksheva D. A.**
Ecological and legal regime of the animal world. Red Book50
- Byshov D.V., Pavluychenkova O. A.**
Legal liability issues for animal cruelty53
- Uraeva I. V., Mostyaeva M. V.**
Documentation support of the process of establishing a joint-stock company.....56
- Shamne A. N.**
Current legal and social problems in the field of immigration (as exemplified
in the German Federal Republic)59

PSYCHOLOGY

Karelina I. O.

The dynamics of preschoolers' emotional intelligence development as an ability to understand and regulate emotions 62

Khramova T. K.

Authenticity in the context of personal self-realization..... 75

Chernomorets T. V., Zvonova E. V.

An active approach to building the willingness of bank employees to implement innovative programs 78

POLITICAL SCIENCE

Rakhmonov Kh. Kh.

Participation of women in the socio-political life of Uzbekistan 82

Roos for authors..... 86

Plan of international conferences held by the universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2021 88

Information about about scientific journals 90

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 91

УДК 008

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Н. Н. Лавринова

*Кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9122-6184,
e-mail: natlavrinova@yandex.ru,
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

VALUE ASPECTS OF THE INFORMATION SOCIETY

N. N. Lavrinova

*Candidate of philosophy, associate professor,
ORCID 0000-0001-9122-6184,
e-mail: natlavrinova@yandex.ru,
Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the development of the information society. It is indicated that one of the important features of such a society is its "network" nature. Various aspects of the influence of the Internet as a means of transmitting information on the development of the culture of the information society and the formation of fundamentally new sociocultural phenomena are considered. It is noted that a change in the forms and means of transmitting information entails changes in the process of its receipt and interpretation. Particular attention is paid to the problem of clip thinking and its impact on personality formation.

Keywords: information society; communication; Internet; clip thinking; visualization.

В настоящее время в западной общественно-политической мысли теория информационного общества постепенно вытесняет парадигму постиндустриальной культуры. С точки зрения современных теоретиков причиной нового этапа социокультурного развития выступает не экономика, а интенсификация информационных потоков. Как подчеркивает М. Кастельс, на современном этапе развития цивилизации «благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти» [1]. Сам термин «информационное общество» появился в 1960-е гг. XX века в трудах Ф. Махлупа и Т. Умсао; а в дальнейшем он стал ак-

тивно применяться западными исследователями, в том числе Д. Беллом.

В качестве наиболее важной черты информационного общества исследователи (М. Кастельс, Д. Танскотт и др.) выделяют его «сетевой» характер, замещающий прежнюю стратифицированную структуру» [2]. Если прежде субъект всегда выступал как представитель какой-либо корпорации, и его жизнь была ограничена соответствующими социальными рамками, то в современном обществе все социальные связи носят временный характер. Даже социальные институты выступают как проект. «Изменение характера труда и межличностных отношений приводит к трансформации системы ценностей и переориентации человека» [2] с проблемы физического выживания на психологические и социальные цели.

Ярким проявлением мозаичности современного общества является всемирная сеть Интернет. Интернет оказывает влияние на все сферы нашей жизни: от бытовых вопросов до политики, и это влияние продолжает расти.

Развитие виртуальной реальности – самая актуальная из тенденций современной культуры. В современном обществе Интернет породил большое количество разнообразных социокультурных феноменов, но самым ярким показателем формирования виртуальной реальности как отдельного социокультурного феномена стало формирование особого языка – сленга, который вытесняет традиционные лексемы. В рамках анализа особенностей развития современной культуры рассматривать Сеть как автономное образование сложно, так как основная ее роль в трансформации социокультурного пространства связана с изменением коммуникации. Средства массовой информации – это традиционный атрибут индустриального общества, связанный с необходимостью повышения образовательного уровня населения и формирования индивида, соответствующего унифицированным требованиям общества. СМИ были орудием пропаганды и средством распространения массовой культуры, частично заменяя при этом прежние каналы трансляции традиций (семья, обычаи). На данный момент Интернет это одно из востребованных средств передачи информации. Такая тенденция будет сохраняться и в будущем. Ярким показателем возросшего влияния Интернета стали арабские революции последних лет, который начинались именно в социальных сетях. Стоит отметить, что старые технологии передачи информации никуда не пропадут. Как не исчез театр и книга после появления кино, так и телевидение, газеты останутся в коммуникационном пространстве наряду с специфическими Интернет-коммуникациями. Однако никто не сможет сказать, что кино не поменяло современный театр или литера-

туру. Сейчас, под влиянием Сети, наблюдается тенденция изменения структуры средств массовой информации. Преведняя журналистика регулировалась довольно высокими профессиональными стандартами, унифицированными требованиями и специализированным законодательством, что делало продукцию СМИ более качественной по сравнению с современной. Децентрализованная блогосфера, колумнисты на новостных порталах, открытое комментирование профессиональных статей снижает качество публикаций, достоверность информации. Рядовой пользователь выбирает не более качественный ресурс, а тот, который ему больше понравился; он начинает формировать свою гражданскую позицию, оценивать социальную или экономическую политику, ориентируясь на мнение не профессионалов, а безымянных блогеров. Информация перестала быть массовой – как и вся современная культура, медиа-пространство идет по пути все большей индивидуализации, что, безусловно, снижает качество продукции. Преведне информация носила сакральный характер, а носители информации в массовом сознании были близки к посвященным, жрецам; сейчас информация десакрализуется. Источником информации может быть любой, причем центральному телевидению доверяют меньше, чем безымянному блогеру. Сейчас в обществе ощущается необходимость формирования новой информационной культуры и новой этики носителей информации.

Одним из определяющих факторов трансформаций современной культуры вообще и психологии индивида в частности, является экранная революция, которую уже сейчас сравнивают с появлением письменности. Происходит смена культурной парадигмы: вместо текста, слова основным атомом современной культуры является картинка. Все больше психологов, педагогов, культурологов говорят о клиповом мышлении как определяющем в

современной культуре. Под клиповым мышлением принято понимает невозможность длительной концентрации внимания на одном объекте. Вместо глубокого изучения какой-либо проблемы, вопроса, детали, мышление современного человека нуждается в постоянной смене впечатлений, картинок, что не дает возможности для осмысления, анализа, понимания. Современные методы подачи информации предполагают, прежде всего, эмоциональную реакцию, а не обоснованный ответ. Эмоциональный отклик, который стараются вызвать современные масс-медиа, не предполагает критического отношения к имеющейся информации, ее осмысления и анализа. По широте кругозора современный человек намного превосходит представителей любой другой эпохи, однако информация, которую он воспринимает, так и не становится знанием.

Таким образом, информатизация обуславливает основные тенденции развития

современной культуры: конфликт глобализующегося мира и локальных традиций, аксиологический плюрализм, разрушение социальных институтов, кризис идентичности отдельного человека и общества в целом. Негативные тенденции в современной культуре являются вызовами, на которые должен ответить человек сейчас.

Библиографический список

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kaste/Intro.php (дата обращения: 20 октября 2020 г.)
2. Костина А. В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций URL: <http://www.read.virmk.ru/ТЕМАТИКА/info-polbnika/kultura-IO.htm> (дата обращения 19 октября 2020 г.)

© Лавринова Н. Н., 2020.

УДК 172.3

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА, ЦЕРКВИ И ЛИЧНОСТИ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ****М. Е. Муравьёва***Кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0001-5450-0885,
e-mail: muravievamaria@yandex.ru,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия***THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE,
CHURCH AND PERSONALITY IN RUSSIAN PHILOSOPHY
OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES****M. E. Muravyeva***Candidate of philosophical sciences,
associate professor,
ORCID 0000-0001-5450-0885,
e-mail: muravievamaria@yandex.ru,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia*

Abstract. The article deals with various aspects of the relationship between the state, church and person; and the implementation of the principle of these relationships, using the example of the analysis of Russian philosophical thought of the XIX – early XX centuries. Differences in understanding the problem of the relationship between the church, state and personality in the Russian and Western philosophical tradition are revealed. The debate between religious and revolutionary thinkers on the role of Christianity and the church in the implementation of a just world order and in the liberation of the individual is considered.

Keywords: state; Church; personality; freedom; individualism; collectivism; revolution.

В истории философской мысли, как в европейской, так и в отечественной традиции, принято отмечать прогрессивную роль христианства как учения свободы, но также обращается внимание и на то, что осуществление христианской идеи посредством церкви приводит к порабощению человека. В западной философии пытались найти выход из этой ситуации в чётком разграничении полномочий государства и церкви, в отказе от взаимной подмены функций, при которой государство и церковь могут покушаться на свободу личности. В русской философской традиции XIX – начала XX веков этой проблеме уделяется особое внимание. Русский религиозный философ В. С. Соловьёв утверждал, что «христианская идея, ещё не уподобивши себе фактическую действительность, сама явилась в

форме акта, ещё не одухотворивши внешний мир, она сама явилась как внешняя сила с вещественной организацией» [6, с. 121]. Церковь объявляет себя носителем абсолютной истины и превращается во внешний по отношению к человеку авторитет, требующий от личности слепого поклонения. Таким образом, человек впадает в рабство внешней духовной власти, а мирские отношения продолжают, как и прежде, основываться на насилии и принуждении; только теперь они получают высшую санкцию от церкви.

С. Л. Франк видел причину этого конфликта в иллюзии игнорирования реальности греха, характерной для человека. Одной из форм такой иллюзии и является непосредственное теократическое устройство жизни, попытки ввести в социум такой порядок, при котором жизнь была бы

автоматически и принудительно подчинена священному началу в человеке. «Какая-либо человеческая инстанция или какая-либо группа людей признается при этом богоизбранной – адекватным воплощением богочеловечности, безусловно святым и потому безусловно авторитетным орудием и откровением Божьей воли – и в этом качестве стремится властвовать над миром с целью его всецелого и окончательного освящения» [8, с. 122]. В качестве примера подобного явления философ приводил католическую церковь и некоторые крайние течения протестантизма.

П. Я. Чаадаев видел в осуществлении христианской идеи историческую миссию, целью которой является установление совершенного строя на земле, «иначе не оправдалось бы слово господя, что он пребудет в церкви своей до скончания века» [9, с. 456]. С этим соглашается и Н. А. Бердяев, утверждая, что христианская церковь является по своей природе «силой исторической по преимуществу». Она есть «преломление откровения в исторической организации человечества, она религиозно направляет судьбы человечества, судьбы народных масс» [4, с. 85]. Поэтому можно считать, что христианское учение впервые открывает миру начало духовной свободы, которая была неведома миру античному. Свобода, как она понимается в христианстве, предполагает разрешение исторического действия через действие свободного субъекта, свободного духа.

Русские религиозные философы рассматривали свободу в трёх аспектах: свободу внутреннюю, внешнюю и духовную. Внутренняя свобода представляет собой свободу воли, укоренённую в самом человеке и неподвластную никаким внешним организациям. Прежде всего, речь здесь идёт о свободе выбора между добром и злом.

Внешняя свобода определяется как свобода социальная. Она гарантируется государством и не допускает никакого насилия по отношению к внутренней

жизни человека, к самоопределению его воли. В настоящее время в качестве примера можно привести право каждого гражданина Российской Федерации исповедовать любую религию, либо не исповедовать никакой. Внешняя свобода является необходимым условием для осуществления свободы внутренней.

И, наконец, свобода духовная в понимании русской религиозной философии считается самой важной, ибо только она наполняет смыслом саму жизнь человека, позволяет властвовать над своими эгоистическими устремлениями. Для церкви также имеет значение именно духовная свобода; государство же в первую очередь гарантирует человеку свободу внешнюю.

В западной философской традиции и церковь, и государство всегда считались внешним авторитетом по отношению к человеку и его свободе. Здесь различались подходы Августина и Фомы Аквинского к той роли, которую должны играть государство и церковь в осуществлении божественного провидения. Августин отстаивает превосходство церкви перед государством, ибо она преследует цели вечные – спасение человечества, в то время, как цели государства преходящи и направлены на изменение только внешней стороны жизни. Несколько иначе рассматривает эту проблему Аквинат, утверждавший союз государства и церкви в деле осуществления высшей цели. Однако оба философа сходились во мнении, что в случае конфликта мирских и духовных целей, предпочтение должно отдаваться последним.

Необходимо отметить, что в западной и русской традициях существенно различалось представление о роли церкви и государства в осуществлении свободы личности. Особенностью взаимоотношений церкви и государства в России было исторически сложившееся объединение православной церкви и самодержавного государства в единую систему. До революции 1917 г. монархическая власть в России сакрализировалась и поддерживалась церковью, а православное христиан-

ство считалось государственной идеологией. Совершенно иное отношение церкви и государства складывалось на Западе. Церковь там находилась в меньшей зависимости от государственной власти. Она была равноправным союзником, а иногда ставила себя выше государства.

Русские религиозные мыслители XIX в., особенно представители славянофильского направления, были склонны противопоставлять индивидуалистический подход к свободе в западной традиции и православное видение свободы, основанное на единении индивида и Церкви. Это находит отражение в идее соборности, введенной славянофилом А. Хомяковым, и использовавшейся многими религиозными философами XIX – начала XX веков. Если на Западе каждый человек автономен и противостоит любой внешней организации (как государству, так и церкви), то для русской православной традиции характерно свободное объединение индивидуумов, как на почве единой веры, так и в мирской жизни. При таком подходе государство и церковь выступают как единое целое и не подавляют свободы человека.

Российское государство имеет богатый опыт революционных преобразований общества, и русская философская мысль всегда активно реагировала на эти преобразования. Проблема свободы личности в такие периоды всегда выходит на первый план.

Религиозные мыслители начала XX века, занимавшиеся исследованием духовных основ революционных учений, отмечали, что главная причина появления идеи насилия для осуществления революционных целей состоит в отказе от христианства или искажении его идей. В русской религиозной философии встречается мысль, что революции были подготовлены длительным периодом, который начинается эпохой Ренессанса и идеями гуманизма. С. Л. Франк характеризует это время как период ожесточённой борьбы

между двумя верами – верой в Бога и верой в человека. Вера в Бога представлялась человеку верой в начало, поработавшее его. Человек видел свое назначение в том, чтобы быть хозяином собственной жизни и верховным властелином мира, то есть стать земным богом. Подобное отношение ведёт к тому, что человек начинает верить в свою способность и призвание править миром и усовершенствовать его. Отсюда, по мнению Франка, происходит вера в возможность осуществления Царства Божия на земле.

Эту же мысль развивает и Н. А. Бердяев в работе «Смысл истории». Философ считает, что гуманизм не только не возвеличивает человека, но принижает его, так как обращает его к природе и тем самым переносит центр тяжести человеческой личности изнутри на периферию, в результате чего происходит отрыв природного человека от человека духовного. «Гуманизм, в преобладающей своей форме, утверждает, что человеческая природа есть образ и подобие не божественной природы, а природы мировой» [4, с. 408–109], поэтому он разделяет ее ограниченность и все дефекты природного существования.

Ещё одно противоречие гуманизма, которое разрушало его изнутри, отмечает С. Л. Франк в своем труде «Реальность и человек». Вера в безграничную власть человека сочетается в гуманизме с верой в служение неким абсолютным, независимым от человеческой воли, нравственным ценностям. Однако последовательное обожествление человека в его природном существе с необходимостью приводит к аморализму, так как человек в качестве неограниченного самодержца становится господином и над своей моралью.

Франк выявил две формы, в которых может выражаться идея обожествления человека. Во-первых, абсолютная ценность и безграничное верховенство принадлежит воле коллектива, которая стоит выше морали, и которой подчиняется от-

дельная личность. Все атрибуты земного божества получает какой-либо класс, социальная группа или само государство как выразитель коллективной воли. Такая «общая воля» объявляется абсолютным мерилем добра и зла. Подобных идей придерживались революционеры разных направлений, в том числе французские якобинцы и русские марксисты.

Во-вторых, верховная ценность может принадлежать отдельной личности, «герою», которому должна беспрекословно подчиняться масса. При этом любая внешняя мораль воспринимается, как попытка подавить свободное выражение сущностных свойств человека. Такие взгляды были характерны для философии Ф. Ницше и были подвергнуты критике Ф. Достоевским в «Бесах».

В религиозной философии поддерживается мнение, что источник нравственной силы, побуждающей человека уважать другого и самосовершенствоваться, находится только в религии. Когда религия перестает выполнять функцию объединения людей, все отношения в обществе определяются лишь природными законами борьбы за существование. В свою очередь, противники религии среди революционных идеологов делали ставку на то, что всякая религия есть порождение фантазии человека, не опирающегося на рациональное осмысление природы. Они видели сущность религии в умалении и порабощении человека в пользу Бога, в отрицании человеческой свободы.

Религиозность рассматривалась критиками религии как отказ от всего человеческого в человеке. На это обращал внимание еще Л. Фейербах в работе «Сущность христианства». Он определял религию как самосознание человека, как отношение к своей сущности, рассматриваемой в качестве иного существа. Таким образом, божественная сущность представляет собой объективированную человеческую сущность. Философ пишет: «Человек отрекается от своей личности и вместо этого считает личным существом всемогущего, не-

ограниченного Бога; он отказывается от человеческого достоинства, от человеческого Я» [7, с. 46]. Именно такой трактовки религии придерживались и марксисты, и их последователи в России – большевики. Критика религии завершается учением о человеке как высшей ценности для другого человека, призывающем ниспровергнуть все отношения, которые унижают и порабощают человека.

Марксизм исходит из абсолютного верховенства человека, но при этом человек видится исключительно продуктом общества, класса; подчиняется социальному коллективу. Именно по этой причине, по мнению Н. Бердяева, русский коммунизм сделал из учения Маркса крайние выводы, отрёкшись от человечности не по целям, а по средствам.

Русские религиозные мыслители обращали внимание на особую религиозность русского народа и на то, как это повлияло на события русской революции. Исследователь истории русской философии В. Зеньковский отмечает тот факт, что религиозная тематика «все время определяет основные искания русской мысли» [5, с. 257], и на этом основании выстроена вся система идеологии. Н. Бердяев в «Русской идее» пишет, что русские являются не скептикам, а догматиками, они плохо понимают относительное и у них все приобретает религиозный характер [2, с. 35]. Русское мышление имеет склонность к тоталитарным учениям. Здесь немалую роль сыграла интеллигенция, которая всегда стремилась выработать целостное мировоззрение и через тоталитарное мышление искала совершенной жизни.

Однако необходимо отметить, что русская интеллигенция строго отделяла христианское учение от церкви. Эта традиция берет начало еще в размышлениях П. Я. Чаадаева, В. Г. Белинского, А. И. Герцена. Все эти мыслители были натурами глубоко религиозными; они занимались поиском Царства Божия. В. Зеньковский пишет, что секуляризм

русской интеллигенции «направлялся преимущественно против Церкви и не только не исключал внутренней религиозности, но как раз от нее питался. Но именно в силу этой внецерковности тема Царства Божия в русском секуляризме трактуется всецело в линиях имманентизма, переходя в утопию земного рая, осуществляемую через исторический прогресс» [5, с. 257].

С. Л. Франк, анализируя особенности мировоззрения русской интеллигенции, отрицает её глубоко религиозный характер. По мнению философа, подобный взгляд целиком покоится на неправильном словоупотреблении. Русскую интеллигенцию можно считать религиозной только в том случае, если под религиозностью понимать фанатизм, страстную преданность идее, готовность к самопожертвованию и истреблению всех не согласных с этой идеей.

С другой стороны, религиозное умонастроение сводится к осознанию сверхчеловеческого смысла высших ценностей. Поэтому всякое мировоззрение, для которого идеалом является лишь относительный человеческий смысл, антирелигиозно. Франк считает, что морализм русской интеллигенции есть лишь выражение ее нигилизма, под которым понимается отрицание или непризнание абсолютных ценностей. Подобная оценка взглядов на мировоззрение русской интеллигенции была характерна и для большинства других участников сборника «Вехи».

Следует обратить внимание на тот факт, что русские радикальные мыслители высоко оценивали христианство как религию свободы, равенства и братства, в то время как церковь представлялась им иерархичной организацией, поборницей неравенства, поддерживавшей государство в подавлении свободы личности. Например, В. Г. Белинский в знаменитом «Письме к Н. В. Гоголю» признает историческую миссию христианства, но яростно нападает на церковь. Он утвер-

ждает, что русский народ «по натуре своей глубоко атеистический народ», в котором ещё остается много суеверия, но нет и следа религиозности [1, с. 109].

После революции 1917 г. в России была предпринята попытка осуществить преобразование общества на основе принципов коммунизма. Коммунизм имел гуманистические истоки, стремился освободить человека от рабства, но делал это через социализацию и коллективизм. В итоге утвердился примат общества над личностью, целого класса над конкретным его представителем. Во имя торжества идеи совершалось насилие над человеком, подавлялась его свобода. При этом главенствующую роль в перевоспитании человека на коллективистских началах отводилась именно социалистическому государству, но не церкви.

В своем «Самопознании» Н. Бердяев пытается объяснить враждебное отношение коммунистического государства к церкви. Он писал: «Коммунизм как религия, а он хочет быть религией, есть образование идола коллектива. Тоталитарный коммунизм есть лжерелигия. И именно как лжерелигия коммунизм преследует все религии, преследует как конкурент» [3, с. 491].

Но вместе с тем философ отмечает, что воинствующее безбожие коммунистической революции в России можно объяснить не только состоянием сознания коммунистов, но и грехами православия, которое не выполнило своей исторической миссии преобразования жизни. Православная церковь поддерживала несправедливый строй в государстве, тем самым искажая христианское учение, что также дало возможность утвердиться идеям коммунизма. В результате происходит соединение русской мессианской идеи с мессианской идеей марксизма. Целью такого универсального мессианизма становится подлинное освобождение личности от всякого угнетения и осуществление на практике братства всех людей и народов.

Таким образом, возможность истинно справедливого общественного устройства выводится представителями различных направлений русской философской мысли из христианской идеи осуществления Царства Божьего в его земной проекции. При этом прогрессивная роль христианства в становлении свободной личности признаётся как религиозными, так и революционными мыслителями. Однако нельзя отрицать и тот факт, что осуществление христианской идеи церковью приводит человека к новому рабству. Государство гарантирует личности лишь внешнюю свободу, не имея права вторгаться в сферу духовного самоопределения.

Необходимо не только разграничение функций государства и церкви, недопустимость их взаимной подмены, что приводит к насилию над личностью как со стороны государства, так и со стороны церкви. Русские философы прошлого, пережившие опыт революционных преобразований в России, видели преимущество русской культурной традиции в приоритете коллективных ценностей, идеях соборности. Это позволяет не противопоставлять государство, церковь и личность, а выстраивать их взаимоотношения с пози-

ции единства; не подавляя человека, способствовать его свободному развитию.

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Письмо к Н.В. Гоголю // Педагогическое наследие / сост. А.Ф. Смирнов. – М. : Педагогика, 1988. – С. 406–114.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // Самопознание: Сочинения. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – С. 41–248.
3. Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – С. 249–606.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
5. Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001.
6. Соловьёв В. С. Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 118–125.
7. Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. / Ин-т философии. – М.: Наука, 1995. Т. 2. С. 5–320.
8. Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия / сост. П. В. Алексеев; прим. Р. К. Медведевой. – М. : Республика, 1997. – С. 208–431.
9. Чаадаев П. Я. Философические письма // Тарасов Б. Н. Чаадаев. 2-е изд., доп. – М. : Мол. гвардия, 1990. – С. 444–557.

© Муравьёва М. Е., 2020.

УДК 811.512.161

**К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИТУАЦИИ
ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РАБОТАХ ТУРЕЦКИХ УЧЕНЫХ
(В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ А. ВИБЕРГА)****Н. С. Амирова***Докторант,
ORCID 0000-0003-1572-6042,
e-mail: inni5767@gmail.com,
Ташкентский государственный
университет востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан***ON THE PROBLEM OF MODELING THE SITUATION
OF VISUAL PERCEPTION IN THE WORKS OF TURKISH SCIENTISTS
(IN THE ASPECT OF THE THEORY OF A. VIBERG)****N. S. Amirova***PhD student,
ORCID 0000-0003-1572-6042,
e-mail: inni5767@gmail.com,
Tashkent State University of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The analysis of sources devoted to the problems of visual perception notation in language allows us to distinguish two main approaches. Within the framework of the first, earlier in time, so-called word-centric approach, researchers focus on perception verbs as a lexico-semantic class of words. According to the second, the verb is considered within the sentence and is understood as its vertex, and the propagators of the verb are treated as its actants. In this regard, great importance is attached to the study of verbal control.

In the works of A. Viberg, a different approach to solving this problem is proposed. In particular, the researcher starts from the non-linguistic reality (hereinafter-the situation of perception) to the ways of its display in the language, i.e. the question was raised about modeling the situation of perception in the utterance. In this case, the verb is interpreted as one of the components of the utterance, along with other equally important ones.

The article reviews the research of modern Turkish scientists devoted to modeling the situation of visual perception in a group of Turkic languages, stimulated by the ideas of A. Viberg.

Keywords: extra-linguistic reality; perceptivity, perception situation; visual perception; modeling of the perception situation.

Проблема отражения в языке восприятия мира человеком привлекает к себе внимание ученых, представляющих различные направления лингвистических исследований. А. В. Бондарко представил краткий обзор современных подходов к исследованию языкового воплощения ситуации восприятия [1]. Рассматривая перцептивность как элемент семантики, автор

выделяет два типа высказываний: а) перцептивные, семантическое содержание которых включает признак перцептивности – языковую и речевую интерпретацию наблюдаемости или других разновидностей восприятия человеком окружающего мира; б) неперцептивные, не обладающие данным признаком. Эту же мысль высказывали и в [2; 4; 5]. При этом

отмечается, что зрительное восприятие играет наиболее важную роль в жизни человека, а орган зрения и связанные с ним отделы мозга – это наиболее сложные анализаторы. В. П. Зинченко (цитируется по Н. А. Буданцевой) также подчёркивал преимущество зрительных образов: «Зрительные образы в отличие, например, от слуховых, характеризуются субъективной simultанностью, позволяющей мгновенно «схватывать» отношения, существующие между различными элементами воспринимаемой ситуации. Зрительный образ необычайно ёмок, так как в нём практически одновременно отражается информация о цветовых, пространственных, динамических и фигуративных характеристиках предметов. Наконец, он весьма пластичен» [2, с. 11].

Особое место в ряду исследований, посвященных проблеме восприятия, занимает монография А. Виберга, где автор рассматривает вопрос моделирования ситуации восприятия, в частности, зрительного восприятия. Автор выдвигает идею, что этот вопрос имеет разносторонний характер [17]. При этом особое внимание уделено моделирующей роли глагола. Автор исследует глаголы восприятия и выделяет 5 семантических групп, в частности, глаголы зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса.

Кроме того, он обосновал новый подход к изучению ситуации восприятия, предполагающий соотнесение обозначаемой в высказывании внеязыковой ситуации с семантикой глагола. В этой связи А. Виберг различает три аспекта в семантике глаголов восприятия и обозначает их символами А, Б и С. Так, А понимается как ‘собственно действие активного субъекта’ (агента), Б – ‘состояние субъекта, вызванное воздействием на него объекта’ (пациенса), и С – ‘свойство объекта быть в поле зрения’. Это инвариантное соотношение по-разному реализуется в каждой из пяти групп перцептивных глаголов. В частности, А. Виберг рассмотрел это на примере английских глаголов зрительного восприятия, ср.: А – ‘look’ (‘наблюдение’),

В – ‘see’ (‘восприятие’) и С – ‘look’ (‘нахождение в поле зрения’):

А – Peter *looked* at the birds.-букв. Питер *посмотрел* на птиц.

В – Peter *saw* the birds.-букв. Питер *увидел* птиц.

С – Peter *looked* happy.-букв. Питер *выглядел* счастливым.

В понимании А. Виберга, восприятие представляет собой «процесс отражения действительности в форме чувственного образа объекта (пациенса)» и имеет несколько особенностей, получивших отражение в ряде важнейших положений.

1. Объект представлен в форме целостного образа во всей совокупности свойств и признаков, что обусловлено объективностью существования окружающего мира.

2. Адекватность чувственного образа объекта обеспечивается за счет взаимного воздействия воспринимающего и воспринимаемого. Субъект совершает различные действия по отношению к объекту (движение глаз, ощупывающие движения рук, процесс вслушивания и т.д.). Этим объясняется тот факт, что ситуация восприятия может быть описана посредством предикатов движения или направленного действия. Объект, в свою очередь, адаптируется к особенностям воспринимающего субъекта, поскольку он стремится сделать объект максимально удобным для восприятия.

Поэтому на языковом уровне процесс восприятия представлен двунаправленно: от субъекта к объекту, и наоборот. Это создает объективную основу для существования большого репертуара структурно-семантических моделей, позволяющих выразить степень активности/пассивности субъекта, интенсивность ощущения, силу воздействия, состояния или реакцию субъекта.

3. Процесс восприятия осуществляется в несколько этапов: а) обнаружение объекта в воспринимаемом поле, б) различение признаков и свойств объекта, в) синтез этих признаков. Отсюда возможность противопоставить процесс и результат восприятия.

Идеи А. Виберга послужили основой для последующих научных исследований. На базе исследований А. Виберга, было продолжено изучение глаголов восприятия в новых ракурсах, и уточнены с позиций структурного и функционального анализа. К работам по структурному анализу английских перцептивных глаголов относятся работы Бет Левин и Франк Роберт Пальмер, где рассматриваются вопросы морфемного и морфологического состава анализируемых глаголов [14; 15]. И. Ибаретхе-Антутано обсуждает полисемию глаголов восприятия в синхронном типологическом исследовании, посвященном английскому, баскскому и испанскому языкам. Он рассматривает басковский и испанский глаголы восприятия на фоне английских глаголов с точки зрения этимологии этих глаголов, а также проблемы языковой асимметрии между формой и содержанием [12]. Так, один из последователей А. Виберга Н. С. Гисборн в своей работе выделяет и противопоставляет в рамках перцептивных глаголов только А и В виды. Для этого он предлагает *тест на преднамеренность* (*deliberately test*) и, основываясь на нем, противопоставляет агентные перцептивные глаголы (А-вид) непроизвольным перцептивным глаголам, обозначающим не действие, а состояние (В-вид). Эта оппозиция представлена им следующими высказываниями:

1. Jane was *deliberately* listening to the music (А-вид).

букв. Джейн *преднамеренно* слушала музыку, ср. некорректность высказывания:

2.*Jane *deliberately* heard the music (Б-вид).

букв. * Джейн *преднамеренно* услышала музыку.

Поскольку глагол *listen* в А-виде сочетается с наречием, выражающим намерение субъекта выполнить действие, то можно отнести этот глагол к агентивным, в то время как в В-виде невозможность использования этого наречия с глаголом *hear* указывает на то, что он может быть отнесен к разряду глаголов состояния.

Так, Гисборн утверждает, что преднамеренность восприятия уже встроена в семантическую структуру глагола восприятия [8].

Идеи А. Виберга нашли свое отражение, пусть и не в полном объеме, в работах турецких ученых. При этом можно выделить три основные реализации этих идей. Первая связана с тем, что исследователи заимствуют лишь классификацию глаголов восприятия, выдвинутую А. Вибергом и основанную на комплексе признаков, к числу которых относятся: орган восприятия, название этого органа, профилирование его работы. Так, С. Шахин, К. Камчибекова, Э. Айан, Я. Тюркдиль, опираясь на классификацию глаголов восприятия А. Виберга, рассматривают их на материале турецкого языка уже с точки зрения структурного и семантического анализа [7; 13; 16].

Вместе с тем идеи А. Виберга нашли свое отражение и в исследованиях Ф. Гокче и Х. Йылдыз, которые, не ссылаясь на него напрямую, тем не менее, рассматривали ситуацию восприятия с точки зрения особенностей её моделирования в языке [9; 19]. На материале глаголов зрительного восприятия старотюркского и старотюркского языков они выделили субъект восприятия, воспринимаемый объект и само восприятие. Однако соотношение между этими компонентами трактуется по-разному. С точки зрения Ф. Гокче, основным компонентом является само восприятие, выражаемое глаголом и включающий в свою семантику указание на субъект и объект восприятия. Эти участники получают свою полную реализацию в контексте. См. вербоцентрическая теория, разработанная французским ученым Л. Теньером, где вершиной предложения является глагол-предикат (вербум). Это единственный главный член предложения. Все другие члены предложения (по Теньеру, актанты) – это второстепенные члены [6, с. 89]. Пример из работы Ф. Гокче: *Özüm*

körmedi bu ajun mâlını / ya edgü isiz bu kişi hâlini – (тур.): Ben bu dünya malını **görmediğim** gibi, iyi veya kötü bu insanların haline de vâkıf değilim. (букв. Поскольку я **не вижу** этих мирских благ, я не знаком с этими людьми, хорошими или плохими) [9, с. 66], где семантика глагола *körmedi* предопределяет характер участников зрительного восприятия. В частности, это воспринимающий субъект и объект, находящийся в поле зрения.

В отличие от Ф. Гокче, Х. Ыылдыз, считает, что каждый компонент ситуации восприятия автономен и включает в себя общий элемент смысла, который связывает их в одно целое, ср.: Kıtabımnı **körge**n eşitgen kişi / şahımnı du‘a’ birle yad kılsu tip. – (тур.): Kıtabımı **gören** (yahut) işiten (her) kes şahımı dua ile yad etsin.

(букв. Все, кто **видит** (или слышит) мою книгу, помните моего короля с молитвой.) [18, с. 172], где реализация значения зрительного восприятия зависит от всех компонентов рассматриваемой ситуации, между которыми устанавливается семантическое согласование. См. книгу В. Г. Гак «Сопоставительная лексикология», где семантическое согласование определяется как «наличие одного и того же семантического компонента в двух членах синтагмы. ... слова видеть (смотреть) – 'воспринимать зрением' и глаз – 'орган зрения' содержат общую сему 'зрение'» [3, с.2 5].

Принципы моделирования ситуации восприятия в глаголе, выдвинутые Ф. Гокче и Х. Ыылдыз, можно представить в виде следующих рисунков.

Рис. 1. Модель ситуации восприятия по Ф. Гокче

Рис. 1. Модель ситуации восприятие по Х. Ыылмаз

Непосредственным развитием идей А. Виберга является и статья Э. Хирик [11]. В отличие от А. Виберга, отталкивавшегося в трактовке ситуации восприятия от внеязыковой действительности, Э. Хирик сосредоточил внимание на проблеме отражения ситуации восприятия в семантике турецких глаголов зрительного восприятия. Он подразделил глаголы зрительного восприятия на глаголы сознательного (*bilinçli*) и бессознательного (*bilinçsiz*) восприятия. Ср. в работе Н. С. Гисборна этот признак назван преднамеренностью / непреднамеренностью

[8]. Ср. примеры из работы Э. Хирик: 1. Ali kedilere baktı. (букв. Али смотрел на кошек); 2. Ali kedileri gördü. (букв. Али видел кошек) [11, с. 60]. Автор интерпретирует данные предложения следующим образом: «В первом примере использование глагола *bakmak* актуализирует активность субъекта и осуществления им действия сознательно. Что касается второго предложения с глаголом *görmek*, то здесь семантика этого глагола связана с трактовкой субъекта восприятия как пациента и акцентирует внимание на самом зрительном акте». Основываясь на этом, ав-

тор отмечает важность учета человеческого фактора в семантике глаголов зрительного восприятия и необходимость отражения его в толковых словарях [10]. Публикацию статьи Э. Хирик можно считать знаменательным явлением, поскольку сделан шаг от атомистического рассмотрения турецких глаголов зрительного восприятия в сторону их системного и пропозитивного анализа.

Таким образом, в изучении проблем моделирования ситуации зрительного восприятия в турецком языкознании наметилось три подхода. В рамках первого центром описания выступает глагол как единица лексико-семантической системы. Что касается второго подхода, то согласно ему глагол является вершиной предложения, а его распространители трактуются как актанты. Согласно этому признаётся, что в глаголе в свернутом виде присутствует вся информация об обозначаемой им ситуации. В центре внимания исследователей, реализующих третий подход, находятся способы моделирования внеязыковой ситуации в высказываниях, включающих глаголы зрительного восприятия. Каждый из этих подходов открывает новые пути изучения проблемы.

Библиографический список

1. Бондарко А. В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 276–282.
2. Буданцева Н. А. Глагольная таксономическая модель концепта зрительное восприятие: на материале английского и французского языков. Автореферат к дисс. – Тамбов, 2014. – 25 с.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). – М. : Международные отношения, 1997. 264 с.
4. Двизова А. В., Крюкова Л. Б. Лингвистические средства выражения ситуации зрительного восприятия в поэтических текстах Б. Пастернака // Вестник Томского государственного университета. – № 3(19) – 2012/ – С.22-29.
5. Крюкова Л. Б. Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте: На материале поэзии "Серебряного века". Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Томск, 2003. – 26 с.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / под ред В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
7. Ayan E., Türkdil Y. Anlam Bilimi Açısından Kazak Türkçesinde Görme Duyu Fiilleri // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2014. – Cilt 7, Sayı 35. – S. 26–41.
8. Gisborne N. English Perception Verbs: PhD Thesis. – London, 1996. – 218 p.
9. Gökçe F. Kutadgu Bilig’de Kör- ‘Görmek’: Çok Anlamlılık, Metafor ve Gramerleşme // Türkbilig. – 2015. – Sayı 29. – S. 59–76.
10. Hirik E. Türkçede Duyu Fiilleri Ve Kılımsız Arasındaki İlişki // X. Uluslararası Dünya Dili Türkçe Sempozyumu. – Eskişehir, 2019. – S. 805–816.
11. Hirik E. Türkiye Türkçesi Görme Duyu Fiillerinde Anlam ve Kelime Sıklığı İlişkisi // SUTAD. – 2017. – Sayı 41. – S. 53–74.
12. Ibarretxe-Antuñano I. Polysemy and metaphor in perception verbs: A crosslinguistic study: Doctoral dissertation. – Edinburgh, 1999. – 235 p.
13. Kamchybekova A. K. Kırgız Türkçesinde Duyu Fiilleri // ODÜ Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi. – 2011. – Cilt 2, Sayı 3. – S. 87–102.
14. Levin B. English Verb Classes and Alternations. – Chicago: Chicago University Press. 1993. – 336 p.
15. Palmer F. R. The English verb: Doctoral dissertation. – London, 1988. – 284 p.
16. Şahin S. Mental Fiil Kavramı ve Türkmen Türkçesinde Mental Fiiller // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. – 2012.– Sayı 1/4. – S. 45–62.
17. Viberg Å. The verbs of perception: A typological study. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 1984. 306 p.
18. Yıldız H. Atebetü'l-Hakayık'ta Algı Fiilleri // Karadeniz Araştırmaları. – Sayı XV/60. – S. 163–181.
19. Yıldız H. Eski Uygurcada Göz Fiilleri. Journal of Old Turkic, Vol. 1, no.1. – 2017. – S. 145–213.

© Амирова Н. С., 2020.

УДК: 811.581

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ В КНР
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДКИ ТАОБАО)****А. А. Кривошапкина****А. А. Васильева**

*Студентка,
e-mail: itsainakid@gmail.com
старший преподаватель,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова
г. Якутск, Россия*

**LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF ONLINE ADVERTISEMENT IN CHINA
(ON THE MATERIAL OF TAOBAO TRADING PLATFORM)****A. A. Krivoshapkina****A. A. Vasilieva**

*Student,
e-mail: itsainakid@gmail.com
senior teacher,
North-Eastern Federal University
Department of Oriental Languages
and Regional Geography,
Yakutsk, Russia*

Abstract. This article is devoted to the study of linguistic characteristics in advertising texts and banners of Chinese online stores based on the material of the Taobao trading platform. In this work we analyzed the linguistic characteristics of Chinese online stores' advertisements, identified stylistic and syntactic features of advertising texts. The conclusion is made based by the analysis of the research material – advertising texts of online stores on the Taobao trading platform in the amount of 150 units.

Keywords: Chinese; Taobao; linguistics; linguistic characteristics; syntax; stylistics.

В современном мире реклама занимает очень значимое место в жизни каждого человека и привлекает внимание специалистов различных областей: лингвистики, психологии, культурологии, журналистики и других наук. Особое внимание уделяется тексту рекламного сообщения, использованию в нем различных уровней языковых средств, с помощью которых осуществляется достижение главной (воздействующей, психолингвистической) функции рекламы. Во многом именно грамотно придуманная реклама позволяет покупателям решиться купить тот или иной товар.

Торговая площадка Таобао, основанная 10 мая 2003 года группой Алибаба, является одной из самых известных и успешных торговых площадок не только в Китае, но и во всем мире. Дословный перевод названия торговой площадки Таобао очень интересен и прост: Тао (淘 taο) значит «искать, разыскивать, собирать», а вторая часть слова Бао (宝 baο)

можно перевести как «сокровище», что в данном случае означает товар, который можно приобрести на сайте. Но покупателей привлекает не только интересное название торговой площадки, но и огромный выбор Интернет-магазинов, которые представляют свои товары. Так каким же образом, благодаря использованию каких средств и приемов рекламодатели добиваются успеха в продажах своих товаров на торговой площадке Таобао? При проведении данной работы нами было исследовано 150 рекламных текстов на торговой площадке Таобао.

Для начала рассмотрим *синтаксические средства и приемы*, которые наиболее часто используются в китайских рекламных текстах. Использование **простых предложений** в рекламных сообщениях на платформе Таобао является очень частым явлением (82 % от общего числа). Например, «永远是可口可乐» (реклама напитка Кока-Кола), что в переводе на русский язык звучит как «Всегда кока-

кола». Предложение состоит всего из семи иероглифов, четыре из которых – название самого продукта. Рекламный текст очень легко воспринимается на слух и запоминается. Именно этого эффекта намереваются добиться рекламщики, аудитории рекламное сообщение запомнится мгновенно.

Разумеется, используются и **сложные предложения**, но в соотношении с простыми их крайне мало (18 % от общего числа). Одним из примеров рекламного текста в виде сложного предложения является: «照相机拍摄的好, 价格也合理» (реклама фотокамеры Maui), то есть «Камера делает хорошие фотографии, а цена вполне разумна». В принципе, данный рекламный текст не очень сложен для восприятия, но он не так интересен, как другие исследованные нами. Он не будет иметь такого же эффекта, возможно, не запомнится аудитории и, следовательно, окажется не очень удачным.

В ходе нашего исследования также встречались и рекламные тексты в форме **риторического вопроса** (8 %). «精工牌女士石英表, 潇洒漂亮, 不是吗?» (реклама кварцевых часов от Seiko), русский вариант которого звучит как: «Женские кварцевые часы от Seiko элегантны и красивы, не правда ли?». Благодаря использованию риторического вопроса создается впечатление, будто рекламодатели напрямую общаются с покупателями и ведут с ними прямую беседу. Также акцентируется внимание на главном преимуществе данных часов, они красивы и элегантны, а с помощью риторического вопроса будто бы констатируется данный факт.

Далее перейдем к рассмотрению и анализу *стилистических средств*. Были выявлены случаи использования **олицетворения** (8 %). Олицетворение – троп, который состоит в перенесении свойств человека на отвлеченные понятия и неодушевленные предметы [Арнольд 2002, с. 62]. «华为智慧屏陪你在线复习啦» (реклама телевизора Huawei), что означает

«Huawei Smart Screen сопроводит вас в вашем онлайн-обучении». Благодаря использованию глагола «сопроводит» перед покупателями возникает одушевленный образ готового служить товара, который поможет облегчить ваше онлайн-обучение.

Использование **эпитетов** также присуще рекламным текстам (6 %). «越跑越热爱, 呼吸更自在» (реклама кроссовок Nike), «Чем больше бегаешь, тем больше любишь, и дыхание становится комфортнее». В данном случае стоит сделать акцент на слове «热爱 re'ai», что в переводе значит «горячо любить». Таким образом подчеркивается особенность, новые кроссовки от Адидас тебе не просто понравятся, ты будешь горячо их любить.

Язык китайской рекламы очень разнообразен, и в нём можно встретить огромное количество различных приёмов, одним из которых является **антитеза** (5 %). «使不可能变为可能» (реклама принтера Canon), что звучит как «Сделай невозможное возможным». В данном примере сопоставляются два существительных: «不可能 невозможное» и «可能 возможное». В данном случае антитеза не выделяет превосходство рекламируемого товара над другими ему подобными, а создает ощущение того, что его обладатели смогут делать вещи, которые не умели раньше. Даже сделать невозможное возможным. С использованием приема антитезы рекламное сообщение приобрело очень оригинальное звучание.

Использование **метафор** также часто присуще при составлении рекламных текстов (5 %). В ходе нашего исследования мы выяснили, что наиболее часто рекламируемые товары сравнивают с миром (世界). «拥有东芝, 拥有世界» (телевизор Toshiba Z30 i7), «Станьте обладателем Toshiba, станьте обладателем мира». Мы можем заметить, как метафоричен данный рекламный текст: ноутбук сравнивается с миром, то есть покупателю говорят, что,

если он станет обладателем данного ноутбука, он станет обладателем целого мира. Таким образом подчеркивается то, что ноутбук откроет своему владельцу целый мир благодаря его мощным и безграничным возможностям.

Часто при составлении рекламных текстов на торговой площадке Таобао используется **параллелизм** (4 %): «口味多多, 乐趣多多» (реклама сывороточного протеинового порошка Whey), «Множество вкусов, множество веселья». Данный рекламный текст крайне прост, но имеет большую воздействующую на подсознание реципиента силу, поскольку он ритмичен и динамичен по своему звучанию и тем самым заставляет привлечь на себя внимание.

Также были выявлены случаи использования **игры слов** (4 %). Например, «喝出你的小脾气» (реклама пива Циндао), то есть «Выпей и выпусти свой нрав». В слове «脾气», что в переводе на русский значит «нрав, характер, дурной нрав», рекламодатели заменили первый иероглиф «脾» на созвучный ему «啤». Использованный иероглиф «啤» имеет значение «пиво», и именно этим можно объяснить его использование в данном рекламном сообщении. Благодаря обыгрыванию реклама становится интереснее, лучше запоминается.

Помимо всех вышеперечисленных приемов, в ходе исследования нами были выявлены случаи использования приема **градации** (2 %). «今年40, 明年18!» (реклама уходовой косметики Missha), «Сегодня 40, а завтра 18!». Рекламодатели указывают на то, как уходовая косметика данного бренда отлично справляется со своей работой, что, условно, спустя год использования, ваш возраст может уменьшиться от сорока до восемнадцати лет. Конечно, данное ре-

кламное сообщение звучит очень нереально, но очень эффективно привлекает внимание реципиента.

Таким образом, можно сделать вывод, что количество простых предложений (82 %) превысило количество сложных (18 %). Наиболее часто используемой синтаксической фигурой является риторический вопрос (8 %). Его успешность состоит в том, что, обращаясь напрямую к аудитории, рекламодатели стимулируют внимание аудитории. Из стилистических фигур наиболее часто используемой является олицетворение (8 %). Наделение неодушевленных предметов качествами одушевленных можно объяснить тем, что так у аудитории появляется ощущение того, что они имеют дело с чем-то, что сможет дать человеческие эмоции и служить так же долго и верно, как настоящий человек. Все средства, выделенные нами, наиболее часто используемые в китайских рекламных текстах на Таобао, отражают национальную картину страны, оказывают необходимое воздействие на реципиента – носителя китайской лингвокультуры.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Горелов В. И. Грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1982г. - 280 с.
3. Думанская К. С. Лингвистические и культурные особенности печатной и наружной социальной рекламы в Китае // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика. – 2010 – Т. 8 – Вып. 1 – 296 с.
4. Мачушенко, Т. С. Метафора в рекламных текстах // Молодой ученый. – 2017. – № 12 (146). – С. 633–635. – URL: <https://moluch.ru/archive/146/40984/> (дата обращения: 12.03.2020).

© Кривошапкина А. А.,
Васильева А. А., 2020.

УДК 378

**ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА
ПИСЬМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС 3++****И. В. Кусовская**

*Кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: ira1959_@mail.ru,
ORCID 0000-0002-2038-8730,
Иркутский государственный университет
путей сообщения,
г. Иркутск, Россия*

**TEACHING STUDENTS OF AN ENGINEERING UNIVERSITY
IN WRITTEN BUSINESS COMMUNICATION IN GERMAN UNDER
THE CONDITIONS OF FSES 3++ IMPLEMENTATION****I. V. Kusovskaya**

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
e-mail: ira1959_@mail.ru,
ORCID 0000-0002-2038-8730,
Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia*

Abstract. The article deals with teaching students of an engineering university in written business communication in German in the context of implementing federal state educational standards 3++. The content of the universal competence UC-4 as the ability to implement business communication is revealed. The possible didactic content of the corresponding section of the Working program of the discipline “Foreign language” is considered. As a result of the analysis of the works of German researchers, a generalized didactic model and exercises for teaching written communication are proposed.

Keywords: written business communication; federal state educational standards; universal competence; generalized didactic model.

Современное российское образование осуществляет переход на Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования поколения 3++. Использование профессиональных стандартов является основой формирования профессиональных компетенций будущих специалистов, бакалавров и магистров. ФГОС 3++ для направлений инженерной подготовки представляет комплекс универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций как результат освоения образовательных программ.

Для вузовской профессиональной подготовки характерен деятельностно-компетентностный подход. Дисциплина

«Иностранный язык» нацелена на приобретение обучающимися коммуникативной компетенции, уровень которой позволяет практически использовать иностранный язык как в различных областях бытовой, культурной, профессиональной деятельности, так и в целях дальнейшего самообразования. Формируемая у будущих инженеров в рамках ФГОС 3++ универсальная компетенция УК-4 заключается в способности осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном языке, выбирать коммуникативно приемлемые стили делового общения и применять современные коммуникативные технологии для

профессионального взаимодействия. Обучение деловому общению обуславливает «формирование у обучаемых определённых навыков и умений, владение которыми позволяет осуществлять соответствующую профессиональную деятельность на иностранном языке в сфере международного сотрудничества» [2, с. 52].

Деловая коммуникация представляет собой процесс обмена информацией, ограниченный «сферой профессиональных и деловых интересов, нацелена на эффективное решение профессиональных задач и проблем и на достижение взаимопонимания деловых партнёров» [1]. Как правило, различают устную и письменную деловую коммуникацию. Деловая коммуникация в письменном виде является «специфической формой делового общения, направленной на обмен информацией между коммуникантами в форме письменных деловых текстов с целью организации успешной совместной деятельности партнёров» [3, с. 7]. Деловое общение в письменной форме на иностранном языке можно рассматривать как элемент национальной культуры, включающий в себя не только универсальные, но и специфические элементы.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным включение в Рабочую программу по немецкому языку для инженерных специальностей и профилей раздела «Деловая коммуникация» с соответствующим тематическим, содержательным и деятельностным наполнением. В данный раздел могут входить темы «Резюме», «Биография в табличной и подробной формах», «Мотивационное письмо», «Заявление на соискание должности», «Трудовой договор», «Модели рабочего времени», «Деловая переписка». Содержательный компонент состоит из соответствующего языкового и текстового материала профессиональной направленности. Предусмотренные виды деятельности – чтение и анализ содержания аутентичных текстов, составление деловых текстов, написание писем, оформление резюме.

Не вызывает сомнения, что письменной коммуникации на иностранном языке

следует обучать целенаправленно, поскольку владение данным алгоритмом на родном языке не означает автоматического переноса этого умения на чужой язык. Для успешного овладения продуктивными умениями деловой коммуникации обучающиеся должны обладать тематическими и языковыми знаниями, а также стратегиями их переработки. Для делового письма определяющее значение имеют содержание и организация текста. Содержание подразумевает не только предмет изложения, но и стилевое оформление, а также принятые в немецком языке нормы вежливости. Правильная организация текста предполагает его логичность, связность, разделение на абзацы, оформление в соответствии с нормами, принятыми в стране изучаемого языка.

Анализ трудов немецких исследователей позволяет выделить общие рекомендации по организации обучения письменному общению [5; 6; 7]. Обучающее занятие по написанию письма на немецком языке, как правило, включает в себя следующие этапы: мотивационный → подготовительный → накопительный → исполнительный → оценочный. Смысл первого этапа заключается в разъяснении коммуникативного задания и создании положительной мотивации. На втором этапе рекомендуется сообщить об особенностях деловой корреспонденции; сравнить аналогичные тексты на русском и немецком языках, обращая особое внимание на межкультурные различия; дать образцы заданий и указания по их выполнению. Накопление необходимого материала происходит в процессе обсуждения возможного содержания и формы делового письма. Исполнительный этап предполагает написание письма каждым студентом индивидуально, с последующим обсуждением в парах. Затем в ходе фронтальной работы определяются образцовые письма, проводится работа над допущенными ошибками и пишутся новые письма с учётом замечаний.

Обобщённая дидактическая модель может быть представлена следующими составляющими [7, с. 253]:

1) определение задания на функционально-прагматическом уровне (установление автора, адресата, цели, темы и типа письма);

2) планирование задания на содержательно-тематическом уровне (активизация и актуализация знаний, подбор языковых средств и речевых структур);

3) предварительное формулирование (запись частей предложений или коротких предложений в логической последовательности на основе разработанного ранее плана);

4) запись текста письма (преобразование отдельных предложений в связный текст);

5) проверка выполнения задания (контроль и исправление письма).

Содержание вышеизложенных этапов варьируется в зависимости от уровня знаний обучающихся и условий обучения. В качестве упражнений можно использовать такие задания, как:

- из набора обращений и заключительных приветствий выберите те, что подходят для написания делового письма;
- сформулируйте предложения, варьируя начальные элементы (наречия, предложные дополнения, обстоятельства места и времени, придаточные предложения);
- составьте предложения на основе ключевых слов;
- напишите части делового текста по предложенному плану;
- напишите соответствующие вводное и заключительное предложения к данному тексту;
- приведите разрозненные предложения из делового письма в логическую последовательность.

В процессе обучения необходимо обращать особое внимание студентов на различия формы деловой корреспонден-

ции, обращения и заключительного приветствия, а также средств выражения вежливости в русской и немецкой письменной культуре. Роль языковых средств вежливости в немецкой деловой коммуникации выполняют модальные глаголы, формы сослагательного наклонения, сложные предложения с условными придаточными, двучленные конструкции, например, с инфинитивными группами. Формулировки повелительного характера считаются неуместными, предпочтение отдаётся повествовательным и вопросительным предложениям. Актуальные рекомендации заключаются также в использовании глагольных форм активного залога, поскольку пассивные предложения препятствуют эффективной коммуникативной связи между автором и получателем [4].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что лингводидактическая деятельность преподавателя при обучении студентов инженерного вуза немецкому языку в соответствии с требованиями ФГОС 3++ должна быть направлена, в том числе, на формирование способности осуществлять деловую письменную коммуникацию. Для этого необходимо развивать умения использовать лексико-грамматический и речевой материал в коммуникативно-ориентированном контексте, адекватно отбирать содержательные элементы, логически и стилистически верно оформлять тексты делового характера.

Библиографический список

1. Акатьева И. С., Новикова Л. А. Обучение деловой коммуникации на иностранном языке в образовательном процессе вуза [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр Открытое знание. 31.10.2019. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/obuchenie-delovoj-kommunikatsii-na-inostrannom-yazyke-v-obrazovatelnom-protssesse-vuza.html> (дата обращения 18.11.2020).
2. Дубовцова Т. А. Обучение деловому иностранному языку – один из важнейших компонентов подготовки современного специалиста [Электронный ресурс] // Потребительская кооперация. – 2019. – № 1(64). – С. 50–54. URL:

- <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle/22092014/4557/Дубовцова%20Т.А.%20Обучение.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 20.11.2020).
3. Матюшенко В.В. Обучение письменной деловой коммуникации на занятиях по немецкому языку в неязыковых вузах (экономический профиль): автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2007. 20 с.
 4. Neidhardt A. „Geschäftliche Briefe und E-Mails gut formulieren“ // URL: <https://www.businesswissen.de/artikel/geschaeftsbriefe-geschaefliche-briefe-und-e-mails-gut-formulieren/> (дата обращения 18.11.2020).
 5. Rösch H. Kompetenzen im Deutschunterricht. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2005. – 232 s.
 6. Steinhoff T., Grabowski J., Becker-Mrotzek M. Herausforderungen der empirischen Schreibdidaktik // Forschungshandbuch empirische Sprachdidaktik. – 2017. – S. 9–24.
 7. Storch G. Deutsch als Fremdsprache. Eine Didaktik. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. – 368 s.

© Кусовская И. В., 2020.

УДК 81(116)

**К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ВИДОВ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ****М. И. Логачева***Кандидат филологических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-4707-6112,
E-mail: mi.logacheva@mail.ru,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия***SYSTEMATIZING APPROACH TO SOME KINDS
OF SEMANTIC RELATIONSHIP IN ENGLISH PHRASEOLOGY****M. I. Logacheva***Candidate of Philological Sciences,
associate professor,
ORCID 0000-0002-4707-6112,
e-mail: mi.logacheva@mail.ru,
Povolzhsky State University
of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia*

Abstract. The article deals with three kinds of semantic relationship in English phraseology. Reflexive pairs in their meaning are close to reflexive verb forms. Reciprocal pairs are close to reciprocal verb forms. And causative forms are close to imperative verb forms. The system analysis of relationship in English phraseological fund shows the essence of phraseology as a special kind of set phrases. Phraseological units are opposed to literal meaning by distinguishing irregularity. Phraseology has its own standards. Phraseological units are forming according to their own rules of creation and functioning. These rules are realized in phraseological models. Combination of model ranges in the form of frame-scripts helps to see the level of similarity of phraseological units.

Keywords: English phraseological units; reflexive; reciprocal; causative pairs; voice forms of verbs; frame-script; uniform and diverse phraseological units; explicit and implicit aspects; literal and figurative meaning.

Большой интерес для исследования представляют три сходных вида семантических отношений в английской фразеологии. Их сходство состоит в том, что они аналогичны залоговым формам глагола в лексике, а именно формам возвратного, взаимного и каузативного залога. Мнения лингвистов расходятся по вопросу о том, является ли каузатив «побудительным залогом» [1], «понудительным наклонением» [2] или отдельной категорией [3].

Актанты при фразеологическом предикате распределяются так же, как и при лексическом предикате.

Фразеологические рефлексивы семантически соответствуют формам возвратного залога в лексике. Это пары фразеологизмов, один из которых обозначает экзо-, а другой – эндо-ориентированное действие.

Рефлексивы, реципрокные пары и каузативы в английском фразеологическом фонде

В первом члене рефлексивной пары один актант исполняет роль «агенса», а в роли «пациенса» выступает другой актант либо нечто, ему принадлежащее; в этом последнем случае другому актанту достается роль «адресата». Впрочем, в ряде случаев воздействие в конечном счете направлено на другого актанта через не-

что, ему принадлежащее; тогда пациенсом оказывается другой актант. Например, во фразеологизме *to burst smb.'s boiler* «подорвать чье-л. здоровье» пациенсом (пострадавшей стороной) в конечном счете оказывается не здоровье как таковое, а утративший его субъект.

Во втором члене рефлексивной пары один и тот же актант исполняет роли «агенс» и «пациенс», либо пациенсом является нечто, принадлежащее данному актанту, и тогда актант выполняет роли «агенс» и «адресат», хотя в конечном счете второй актант оказывается всё же пациенсом. Так, во фразеологизме *to burst one's own boiler* «подорвать свое здоровье» актант вредит своему собственному здоровью, а значит, в конце концов, себе самому.

Во фреймах, с помощью которых можно описывать рефлексивные отношения во фразеологии, выше охарактеризованная разница между членами рефлексивной пары должна отражаться в формулах, в которых либо фигурируют актанты

x и *z*, либо дважды фигурирует актант *x*. Во фрейме, охватывающем оба члена пары, эту разницу можно передать чередованием *x / z*. В качестве примера приведем фрейм-сценарий упомянутой рефлексивной пары английских фразеологизмов (*to burst smb.'s / one's own boiler*).

СЦЕНАРИЙ: НАНЕСЕНИЕ ВРЕДА

1. ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ: ИМЕЕТ *x / z, v*.

ЕСЛИ (НЕ ИМЕЕТ *x / z, v*)ТО (СТРАДАЕТ *x / z*).

2. ДЕЙСТВИЕ *x*: КАУЗИРУЕТ *x* (НЕ ИМЕЕТ *x / z, v*).

3. СЛЕДСТВИЕ: (НЕ ИМЕЕТ *x / z, v*) И (СТРАДАЕТ *x / z*).

Что касается оценки действия, она зависит от того, чье здоровье разрушается – чужое или свое. В первом случае выносятся оценка АМОРАЛЬНО (ДЕЙСТВИЕ *x*), а во втором – ОПРОМЕТЧИВО (ДЕЙСТВИЕ *x*). Можно разделить этот фрейм на два субфрейма, соответствующие двум членам рефлексивной пары, и внести эти оценки в узел 4 «ВЫВОД (ОЦЕНКА)».

Таблица 1

Терминальная интерпретация переменных

терминалы	<i>x</i>	<i>z</i>	КАУЗИРУЕТ (НЕ ИМЕЕТ)	<i>v</i>
слоты				
буквальный план	человек	человеку	взрывает	котел
переносный план			разрушает	здоровье

Рефлексивные отношения в английской фразеологии, как и другие виды семантических отношений, бывают единообразными и разнообразными. Обратимся в начале к единообразным рефлексивным парам.

Приведем примеры:

To burst smb.'s bubble «испортить кому-л. веселье, удовольствие» –

To burst one's bubble «испортить себе веселье, удовольствие»

To lay violent hands on smb. «покушаться; захватить силой» –

To lay violent hands on one self «покончить с собой»

Некоторые пары такого рода не совсем идентичны по образности и лексическому составу, например:

To scratch smb.'s back «оказывать услуги кому-л.» –

To scratch one's own itch «помочь самому себе».

Единообразность позволяет таким фразеологизмам взаимодействовать в контексте. Например, переводчица, передавая на английском языке высказывание Разумихина «Соврать по-своему – ведь это почти лучше, чем правда по одному по чужому» (Ф. М. Достоевский. Преступление

и наказание), использовала два английских оборота в их смысловой перекличке:

To go wrong in one's own way is better than to go right in someone else's. [4]

Рефлексивные пары в английской фразеологии бывают не только единообразными, но и разнообразными. Приведем примеры:

- to hoe smb.'s row – to paddle one's own canoe;
- to blow smb.'s trumpet – to sing one's own glory;
- to loan smb.'s wisdom – to go one's own way.

В собранном нами корпусе текстовых примеров не встретилось случаев контекстуального взаимодействия разнообразных рефлексивов. Но, несмотря на стилистическое правило единства образа, в принципе их взаимодействие в контексте возможно в тех или иных стилистических целях.

Близки к рефлексивам реципрокные пары, семантически соответствующие формам взаимного залога в лексике. В них один фразеологизм обозначает действие одного актанта на другого, а второй – действие двух актантов друг на друга. В отличие от рефлексивных пар, здесь имеет место сложный акт взаимодействия (или противоборства), состоящий из двух актов

воздействия. Каждый из актантов является агенсом собственного действия и пациенсом /адресатом чужого действия. Так, во фразеологизме to push smb. off the log, восходящем к старинному состязанию, отражено лишь воздействие одного участника на другого, тогда как во фразеологизме to push each other off the log, который составляет пару вышеприведенному фразеологизму в рамках рефлексивности, отражено противоборство участников состязания, а в переносном плане – конкуренция, соперничество, борьба за должность и т.п.

Во фрейме это отражается путем отдельного описания намерений и действий каждого из участников.

СЦЕНАРИЙ: СОСТЯЗАНИЕ

1. ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ: НАХОДИТСЯ x, l. НАХОДИТСЯ z, l.

2. ИНТЕНЦИЯ x: НАМЕРЕН x (КАУЗИРУЕТ x (НЕ НАХОДИТСЯ z, l)).

3. ИНТЕНЦИЯ z: НАМЕРЕН z (КАУЗИРУЕТ z (НЕ НАХОДИТСЯ x, l)).

4. ДЕЙСТВИЕ x: КАУЗИРУЕТ x (НЕ НАХОДИТСЯ z, l).

5. ДЕЙСТВИЕ z: КАУЗИРУЕТ z (НЕ НАХОДИТСЯ x, l).

6. ПРОГНОЗ СЛЕДСТВИЯ: НЕ НАХОДИТСЯ x/ z, l.

Таблица 2

Терминальная интерпретация переменных

терминалы слоты	x	z	КАУЗИРУЕТ (НЕ НАХОДИТСЯ)	L
буквальный план	человек	человека	сталкивает	с бревна
переносный план			вытесняет	с должности

В случае необходимости этот фрейм можно разложить на два субфрейма.

Как и в предыдущих случаях, реципрокные пары бывают едино- и разнооб-

разными. Приведем примеры единообразных рефлексивных пар:

to hoe smb.'s row «оказывать услуги кому-л.» –

to hoe each other's rows «оказывать услуги друг другу»

to scratch smb.'s back «оказывать услуги кому-л.» –

to scratch each other's backs «оказывать взаимные услуги».

Интересно отметить, что некоторые английские фразеологизмы выстраиваются в ряды по трем залоговым значениям, что подтверждает их тесную взаимосвязь, например:

to scratch smb.'s back «оказывать взаимные услуги» –

to scratch one's own itch «помочь самому себе» –

to scratch each other's backs «оказывать услуги друг другу»

Некоторые английские фразеологизмы, обозначающие взаимонаправленное действие (например, to roll each other's log «оказывать взаимные услуги»), не имеют парных фразеологизмов, обозначающих однонаправленное действие (типа *to roll smb.'s log «оказывать кому-л. услугу»). Фразеологизм to roll each other's logs не состоит в отношении реципрокности ни с каким другим фразеологизмом. От него образовано сложно производное существительное – политический жаргонизм logrolling, который, судя по словарной дефиниции, обозначает именно взаимную, а не однонаправленную поддержку (на выборах и т.п.). Но он состоит в отношении синонимии с фразеологизмом to scratch each other's backs, что видно из текстового примера:

Because he sees all sorts of other men scratching each other's backs and rolling each other's logs, he shouts in holy horror at the spectacle [5].

Реципрокные пары в английском фразеологическом фонде не являются двумя грамматическими формами одного и того же фразеологизма, т.к. они обозначают разные ситуации и различаются лексически (somebody's – each other's).

Английские фразеологизмы выстраиваются не только в единообразные, но и в разнообразные реципрокные пары:

to scratch smb.'s back – to roll each other's logs

to carry smb.'s baggage – to hoe each other's row

to turn one's back on smb. – to fall out with each other

Члены таких пар обычно не взаимодействуют в контексте.

К рефлексивным и реципрокным парам примыкают каузативные. В каждой такой паре один член обозначает действие, а второй – каузацию действия. В этом втором члене пары первый актанта выступает в роли «каузатор» (побудитель другого актанта к действию), а второй – в роли «агенса» (прямой производитель действия), «статив» (носитель состояния) или «модификат» (субъект изменения). У актанта может изменяться форма, местоположение, онтологический статус (т.е. он начинает или перестает существовать). Так, во фразеологизме smb.'s mouth waters «кто-л. испытывает сильное желание» в буквальном плане актанта выступает в роли «статив» (носитель состояния), а в переносном плане в этой роли выступает актанта smb.

В свою очередь, во фразеологизме to make smb.'s mouth water «вызвать в ком-л. сильное желание» первый актанта выступает в роли «каузатор», а второй по-прежнему исполняет роль «статив» (носитель состояния). В роли каузатора выступает что-либо соблазнительное, например:

Such beauty is enough to make anyone's mouth water. Пример из словаря [6]

Those travel folders about Nepal made my mouth water. Пример из словаря [7].

Каузатор (соблазн) фактически воздействует на актанта smb.(человека), но в образной основе фразеологизма ситуация представлена так, будто он воздействует на актанта mouth (некто, являющееся частью и принадлежностью человека). Буквальный и переносный планы тропа не изоморфны.

Обычно первый член каузативной пары имеет форму предложения, а второй – форму глагольного словосочетания. Но встречаются и пары, состоящие из двух глагольных фразеологизмов. Приведем примеры каузативных пар:

Smb.'s flesh creeps(or crawls)

Smb.'s blood runs cold
Smb.'s hair stands on end (or curls or tingles)

«Кто-л. ощущает страх»

to make smb.'s flesh creep (or crawl)
to make smb.'s blood run cold
to make smb.'s hair stand on end (or curl or tingle)

«ВЫЗВАТЬ СТРАХ»

терминалы слоты	z	КАУЗИРУЕТ	x's	p	ПРЕБЫВАЕТ В СОСТОЯНИИ S
1	Smth.	makes	smb.'s	blood	boil
2	Smth.	makes	smb.'s	hair	tingle
3	Smth.	makes	smb.'s	cheeks	flush
4	Smth.	makes	smb.'s	head	spin
5	Smth.	makes	smb.'s	jaw	drop

В английском фразеологическом фонде существуют и непарные фразеологизмы с каузативным значением. Например, коллоквиализм *to make smb.'s bum hum* «вызвать приятное волнение» не имеет пары без глагола *to make*.

Английские фразеологические каузативы не всегда обозначают приведение кого-либо в то или иное состояние. Некоторые из них обозначают побуждение кого-л. к действию, например:

- to pull chestnuts out of the fire for smb. –
- to make a cat's paw of smb.

В первом члене пары в качестве подлежащего выступает исполнитель, а во втором – принудитель. Для обозначения каузации используется не только глагол *to make* в значении «заставить», но и другие глаголы, например:

- to go west «умереть» –
- to send smb. west «убить кого-л.»
- to go down the river «претерпеть бедствия» –
- to sell smb. down the river «навлечь на кого-л. бедствия»
- to get into a mess «попасть в трудное положение» –

to get smb. into a mess «поставить кого-л. в трудное положение».

Фразеологизмы можно выстроить и в разнообразные каузативные пары:

- to go up in the air «быть рассерженным» –
- to make smb.'s blood boil «рассердить кого-л.»
- to jump out of one's pants «быть изумленным» –
- to make smb.'s jaw drop «изумить кого-л.»
- to jump the stick «умереть» –
- to send to the Promised Land «убить»
- to shake in one's shoes «бояться» –
- to make smb.'s flesh creep «пугать кого-л.»

Фразеологические каузативы в своем большинстве вписываются в единый сценарий. Но в ряде случаев сценарии буквального и переносного планов не изоморфны; они описываются двумя гомоморфными сценариями.

СЦЕНАРИЙ: КАУЗАЦИЯ (буквальный план)

1. ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ: СУЩЕСТВУЕТ x, z, p. ИМЕЕТ x, p.

2. ДЕЙСТВИЕ z: КАУЗИРУЕТ z (ПРЕБЫВАЕТ В СОСТОЯНИИ p, S).

3. СЛЕДСТВИЕ: ПРЕБЫВАЕТ В СОСТОЯНИИ p, S.

Таблица 3. Терминальная интерпретация переменных:

СЦЕНАРИЙ № 13. КАУЗАЦИЯ (переносный план)

1. ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ: СУЩЕСТВУЕТ x, z.

2. ДЕЙСТВИЕ z: КАУЗИРУЕТ z(ПРЕБЫВАЕТ В СОСТОЯНИИ p, S').

3. СЛЕДСТВИЕ: ПРЕБЫВАЕТ В СОСТОЯНИИ x, S'.

Таблица 4

Терминальная интерпретация переменны

терминалы слоты	z	КАУЗИРУЕТ	x	ПРЕБЫВАЕТ В СОСТОЯНИИ S'
1	Что-л.	заставляет	кого-л.	сердиться
2	Что-л.	заставляет	кого-л.	бояться
3	Что-л.	заставляет	кого-л.	смущаться
4	Что-л.	заставляет	кого-л.	теряться
5	Что-л.	заставляет	кого-л.	изумляться

Сопоставление этих двух сценариев показывает, что во всех случаях физическое состояние какого-либо органа тела образно выражает эмоциональное состояние субъекта, которому принадлежит этот орган. Этот вид перифраза можно назвать симптоматическим.

Благодаря тому, что английский фразеологический фонд представляет собой полипараметрическое пространство, пересечение параметров позволяет обнаружить семантические отношения между фразеологизмами. Таким образом, комбинации параметров служат для характеристики каждого из семантических отношений во фразеологическом фонде английского языка. Параметры включают в себя сходства на уровне актантно-ролевых структур, на уровне фразеологических значений, на уровне образных основ, на уровне категориально-грамматических значений, на уровне коннотаций и на уровне перспективы ситуации. Исходя из этих параметров, осуществляется систематизация семантических отношений во фразеологическом фонде английского языка. В нем выделя-

ются корреляты, синонимы, антонимы, гиперо-гипонимы, семантические конверсивы, грамматические конверсивы, члены градуальных рядов, рефлексивы, реципрокные пары, каузативы.

При этом некоторые из них бывают разно- и единообразными, а также разно- и единоперспективными.

Библиографический список

1. Ярцева В. Н. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 683 с.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. ЭСБЕ – Энциклопедический словарь – Том 40. – Репринт. – М.: ТЕРРА, 1992. – 960 с.
3. Ефремова Т. Ф. НСРЯ – Новый толково-словообразовательный русский языка. Т. Ф. Ефремова. – Том 2. – М. : Русский язык, 2000. – 1210 с.
4. Dostoevsky F. Crime and Punishment. Part 3. Chapter I [Электронный ресурс]. URL: <http://etc.usf.edu/lit2go/182/crime-and-punishment/3406/part-3-chapter-1/>
5. Swinnerton F. The Georgian Literary Scene: a Panorama. – London: J. M. Dent and Sons, 1951. – 265 p.

6. Neacock P. CDAI – Cambridge Dictionary of American Idioms. – Cambridge: Univ. Press, 2003. – 625 p.
7. Ammer Ch. ANI – The American Heritage Dictionary. – Boston: American Heritage, 2013. – 457 p.
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике // Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.
9. Савицкий В. М. [1993а]. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1993. – 172 с.
10. Федуленикова Т. Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – Оренбург, 2005. – С. 62–69.

© *Логачева М. И.*, 2020.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА ДЖАДИДОВ**С. Э. Нормаматов***Доктор филологических наук, проректор,
e-mail: sultan@mail.ru,
Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы,
г. Ташкент, Узбекистан***ABOUT THE LITERARY LANGUAGE OF THE JADID PERIOD****S. E. Normamatov***Doctor of philological science, vice-rector,
e-mail: sultan@mail.ru,
Tashkent State University of Uzbek Language
and Literature,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In the article the problem of linguistic processes in the Uzbek language of the Jadid period is focused on. In it, the author analyzes the reasons for the use of the elements of "Western Turkic language" in the Uzbek press and fiction of this period in detail and tries to scientifically prove them from a linguistic view point. Attitude towards language, linguistic views, formation of a literary language, normalization of language, attitude towards language, linguistic features, relations with other languages, language learning, multilingualism, inter-personal interaction, their ability to use language skills became more serious over the years of independence. Dozens of researchers, such as S. Bobomurodov, Yu. Saidov, Kh. Uzakov, T. Togaev, L. Djalalova, Z. Choriev, Kh. Kadirova, S. Normamatov, studied these problems. The formation of the Uzbek language has a long history and can be divided into two periods: 1) the period of Alisher Navoi (from the beginning to the beginning of separation from the common public); 2) Alisher Navoi and the subsequent period (XVI–XVIII centuries).

Keywords: jadidism; national language; chagatay language; western Turkic language; tatarism; linguistic norms.

В период творения джадидских просветителей, в конце XIX – в начале XX веков узбекский литературный язык проявляет в себе некоторые нормативные сложности. В данном этапе, во-первых, социально-политические проблемы, во-вторых, образовательно-воспитательные проблемы и проблемы просвещения, в-третьих, сложные теоретические и практические проблемы такие как национальный язык, отношение к литературному языку, приспособление языка к требованиям времени, определение его пути развития как общенационального литературного языка образовали некий коллапс общих проблем.

Можно подчеркнуть, что именно в данный промежуток времени национальный язык (родной язык), в некоторых случаях, вышел из рамки проблемы одной нации и был выдвинут как общетюркская проблема.

В данном случае, можно рассуждать о некоторых причинах, способствующих решению проблемы национального языка, решению ее теоретических и практических проблем, но в большинстве случаев эти причины проявляются как барьеры, мешающие решению поставленных задач. Эти причины состоят из следующих:

1. В конце XIX в начале XX века некоторые представители творческого коллектива стали предпринимать шаги к выводу языка из-под влияния традиционной классической литературы, к ее упрощению, тогда как другая часть продолжала творить, соблюдая традиционные нормы языка.

2. Некоторые тюркские языки стали оцениваться как "продвинутые" и отвечающие к требованиям времени и стали продвигаться идеи о том, что другие "отсталые" языки должны брать пример с них и обогащения своих языковых элементов за счет развитых языков. В этом

плане османский, азербайджанский и татарские языки оценивались как образцовые языки.

3. Во многих случаях, в идейно-языковых взглядах стали проявляться идеи, отклоняющие независимое развитие каждого из тюркских языков и выдвигается идея о создании общетюркского языка для всех тюркских народов. Такая ситуация стала причиной колебания и проявления нестабильности в кругах, борющихся за развитие национального родного языка.

4. Языковая политика, проводимая государством, была направлена не на развитие и равноправие национальных языков, а стала основным барьером в развитии языков народностей. Кроме того, эта политика была направлена на насильственное распространение и внедрение русского языка во все социально-политические, духовно-просветительские сферы. Такая политика привела к существенному разграничению функциональных возможностей местных национальных языков. С другой стороны, эта политика способствовала к внедрению элементов разговорного языка в литературный язык.

5. Известно, что посредством распространения и обучения национального, родного языка укрепляются ее практические возможности, ее роль и место в обществе. Но, в рассматриваемом периоде языком традиционного образования была «язык ислама» – арабский, в новообразованных учреждениях – русский. В результате, борьба за введение родного языка в образовательный процесс, а также усиление ее позиции, стала одним из сложных проблем.

Как видно из вышеописанных, в данном периоде велась борьба между созданием общетюркского языка и развитием национального родного языка, «продвинутыми» и «отсталыми» языками, выдвиганием русского языка как государственного и самосохранением национальных языков, сохранением традиционного ис-

торически сложного языка и созданием нового литературного языка, отвечающего требованиям времени.

Кроме того, в данном периоде уже появилась узбекская пресса (газеты и журналы) и их язык отличается своим богатством смешанного стиля и элементов. В данной прессе можно наблюдать как традиционный язык, так и новые видоизменения в языке, первые влияния родственных языков и русского языка, в некоторых случаях даже просторечие. Данные случаи не давали возможность привести национальный литературный язык в определенную единую норму. Кроме того, в данном периоде также можно наблюдать идею создания единого общетюркского языка, который в свою очередь оживил взаимовлияние родственных языков, в частности османского, татарского и азербайджанского языков и стал причиной подражания одного языка к другому языку.

В итоге узбекская пресса и художественная литература освоила ряд слов и словесных форм с османского, азербайджанского и татарского языков. Основной причиной данного случая можно указать тем, что основой общетюркского языка рассматривался османский, азербайджанский, татарский и «чагатайские» (староузбекский) языки [1; 2; 3; 4].

Несмотря на выдвижение различных идей оценки, анализа и сущности лингвистического явления, так называемого «элементов западно-тюркского языка» в узбекской прессе и художественной литературе начало XX века, на сегодняшний день данная проблема в языкознании не нашла своего решения. В частности, такие проблемы как социально-лингвистические основы проникновения данных элементов в узбекский язык, в каких жанрах и стилях узбекского языка наблюдается их широкое использование, проблемы оценки данных явлений, отношение этих элементов к «огузским элементам», широко использованным в классической узбекской литературе, причины их постепенного вы-

теснения из узбекского языка не полностью изучены в узбекском языковедении.

Для определения ответа к вышеуказанным вопросам нам необходим краткий обзор осуществленных научных исследований по данной проблематике. Первым, кто научно анализировал элементов «западно-тюркского», татарского языков в узбекском языке был языковед А. К. Боровков. По его утверждению, узбекский литературный язык в период 1905–1917 годов не является народным, а представляет собой некий «смешанный» язык. В данном этапе он был «литературным языком переходного периода». В данном периоде в нем использовались множество татаризмов и элементов «западно-тюркского языка». А. Боровков так определяет заимствование татаризмов в узбекский язык: «Татаризмы и элементы западно-тюркского языка занимают важное место в литературном узбекском языке, в особенности в языке периодической прессы. Основной причиной этого, в первую очередь, можно указать на идейное влияние России, Крыма, Азербайджана и частично Турции» [1, с. 20].

По мнению А. Боровкова, эти элементы были заимствованы под влиянием османской и татарской прессы, а также в результате путешествий узбекской интеллигенции в Россию, Турцию, Иран. По мнению А. Боровкова, «Элементы западно-тюркского языка занимали очень прочное место в литературном узбекском языке, в особенности, утвердились в языке периодической печати» [1, с. 21].

А. Боровков следующим образом объясняет причину элементов татарского языка в узбекском языке: «В языке данного периода заимствованные элементы из татарского языка также имели важное значение. Это явление, в свою очередь, можно оценивать результатом непосредственного участия татарской интеллигенции в джадидской прессе. Татаризмы отображаются в фонетических элементах, когда гласные произносятся специфически коротко» [1, с. 21].

Из вышеприведенных цитат видно, что А.Боровков немного преувеличивает по-

зицию и роль элементов «западно-тюркского» и татарского языков в узбекском языке исследуемого периода. Если соглашаться с его выводами, то возникает вопрос: почему с течением времени они не сохранились в нормах современного литературного узбекского языка?

А. Боровков, исходя из своих анализов, нижеследующим образом оценивает состояние литературного узбекского языка в 1905–1917 годах: «Каково было отношение литературного узбекского языка к живому народному языку в период 1905–1917 годах? Чтобы дать ответ на этот вопрос нам необходимо осуществить специальные исследования. В общих чертах на этот вопрос можно дать такой ответ: литературный узбекский язык в периоде 1905–1917 годов в сущности был продолжением старолитературного узбекского языка феодального периода и был далек от живого разговорного народного языка. Основой литературного языка в данном периоде не был живой народный язык. Поэтому в данном отрезке времени в спорах об литературном языке не были подняты проблемы диалектов» [1, с. 22].

Еще одним исследователем элементов «западно-тюркского языка» в литературном языке джадидского периода был прославленный узбекский писатель Пиримкул Кадыров. Он, анализируя слово «*туғдигим*» (где я родился), встречающийся в стихотворении джадидского просветителя Абдуллы Авлани, посвященный родному языку, пишет: «Турецкое или азербайджанское слово «*туғдигим*», встречающийся в творчестве Авлани не является случайностью, так как турецкий и азербайджанские языки намного раньше, чем узбекский язык вступили в путь современного прогресса. Абдулла Авлани старался использовать опыт этих языков в переход на основу живого народного языка. Поэтому в газетах, изданных Абдуллой Авлани, в его книгах встречаются довольно много турецких, азербайджанских слов, выражений... В одном месте Абдулла Авлани даже полностью выстраивает предложение на турецком «*баним қала-*

мим ила нашр ўлинажақ китоблар» (книги, издаваемые мной)» [5, с. 34].

Пиримкул Кадыров не старается оценивать роль и место таких элементов в произведениях Авлани как А. Боровков, а утверждает их как незначительное явление: «Такое подражание в языке произведений Абдуллы Авлани занимает незначительное место. Его учебники «Туркий гулистон» (Тюркский Гулистан), «Биринчи муаллим» (Первый учитель), «Иккинчи муаллим» (Второй учитель), «Адабиёт ёхуд миллий шеърлар» (Литература или национальные стихи) являются лучшими образцами того времени в эффективном использовании богатствами языка узбекского народа» [5, с. 35].

О заимствованных элементах с османского, азербайджанского и татарского языков в литературном языке джадидского периода можно встретит и в исследованиях по истории узбекской классической литературы. Эти элементы, с одной стороны, связаны с социально-политической средой, духовно-просветительской традицией данного времени, с другой стороны, объясняется тем, что джадидские просветители имели тесные личные связи с турецкими, азербайджанскими и татарскими коллегами и читали прессу, изданную на этих языках. Кроме того, произведения и статьи узбекских джадидских просветителей часто печатались в вышеназванных изданиях [6, с. 308–309].

В научных трудах по истории узбекской литературы можно встретит многочисленные информации о том, что узбекские просветители систематически читали некоторые журналы, изданные в Азербайджане: «Молодое поколение такие как Хамза, Садриддин Айни, Абдулла Кадыри, Суфизаде, Ажзи, Авлани и другие наряду со многими видными просветителями Средней Азии систематически читали журналы «Мулла Насриддин», «Дабиستان», издаваемые в Баку. В то время Авлани, Кадыри, Ажзи имели личные контакты с редактором журнала «Мулла

Насриддин» известным сатириком, получившим прозвище «азербайджанский Гоголь» Джалилом Мухаммаддулизаде» [6, с. 310].

Можно предположить, именно такие отношения стали основополагающим фактором влияния азербайджанского языка на язык произведений узбекских просветителей. Потому что, исследуемый период является самым сложным и щекотливым периодом развития узбекского языка. Влияние вышерассмотренных внешних факторов новому узбекскому языку, пытавшему определить первые лексические нормы, были естественным.

Именно такие выводы можно встретит в исследованиях произведений Хамзы Хакимзаде Ниязи: «Если рассматривать стихи Хамзы, написанные в 1914–1917 годах, то можно увидеть в них большое влияние татарской художественной культуры чем классической узбекской литературы. В его творчестве данного периода также присутствуют определённые элементы азербайджанской и османской литературы... Хамза даже старался широко использовать выражения и предложения, свойственные татарскому языку» [7, с. 452].

На исследуемую проблему также оказали влияние научное сотрудничество и научные исследования. Ш. Бабамурадова, исследовавшая лингвистическое наследие Элбека, отдельно подчеркивает данный факт: «В начале XX века в таких городах как Стамбуле, Казани, Баку, превратившиеся в центры науки и культуры начали действовать группы ученых языковедов, изучающие тюркские языки. Они, изучая проблемы букв, алфавита, правописания, начали составлять научную грамматику тюркских языков. В результате, появились «Қавоиди лисони туркий» (Грамматика тюркского языка), «Қавоиди туркий» (Тюркская грамматика) и другие произведения» [8, с. 6].

Как нужно оценивать влияние анализируемых лингвистических элементов на узбекский язык? Являются ли они заим-

ствованиями? Или можно ли понять, что эти элементы просто являются влиянием османского, азербайджанского, татарского языков на узбекский язык? Имеют ли эти элементы какое-либо отношение к *огузским компонентам*, встречающиеся в старо узбекском языке? Но, к сожалению, на эти вопросы пока нет ответа. Некоторую определенность к этим вопросам может внести теории, выдвинутые узбекским языковедом Азимом Хаджиевым. Он не придерживается к выводам, о том, что встречающиеся в узбекском языке в конце XIX – в начале XX века языковые элементы являются влиянием османского и азербайджанского языков и утверждает, что азербайджанские элементы существовали в истории узбекского языка еще задолго до этого времени. Он пишет: «В процессе формирования современного узбекского языка наблюдается использование элементов трех языков – азербайджанского, татарского и русского. Использование элементов азербайджанского языка очень мало и они, в основном, состоят из некоторых лексических и морфологических единиц. Но, этот факт будет правильным пояснить не непосредственным влиянием азербайджанского языка в формировании и развитии современного узбекского языка, а использованием в письме элементов, свойственных старо узбекской письменной речи. Например, в узбекском языке вместо форм *айтган, севган*, созданные аффиксом *-ган* случаи использования форм *айтмиш, севдиги* встречаются в источниках до XX века, относящиеся узбекскому языку. Эти использования продолжились и после революции. Некоторые из них, в частности, формы, создаваемые аффиксами *-миш, -диги* спустя некоторое время в законном порядке вышли из употребления, некоторые обосновались в литературном узбекском языке. Например, фактически форма глагола, создаваемая аффиксом *-моқда*, заимствованная с азербайджанского языка широко используется в современном узбекском языке. Значит, использование элементов азербайджанского языка в письменных источниках после революции нельзя рассматривать как непо-

средственное влияние азербайджанского языка в развитие узбекского языка, а нужно считать, как продолжением использования после революции элементов азербайджанского языка, широко потребляемой в старо узбекском языке» [9, с. 24].

А. Ходжиев также не придерживается определениям, в которых некоторые встречающиеся в языке данного времени лексические и морфологические элементы, свойственные татарскому языку являются причиной влияния татарского языка на узбекский язык: «В первых этапах развития узбекского литературного языка, в особенности, в письменных источниках, относящиеся к 20-годам XX века, наблюдается широкое использование некоторых лексических и морфологических элементов, свойственных татарскому языку. В частности, такие формы как *«айталар»*, *«ёзарга тегиш»*, *«айтарга мумкин»* являются широко использованными формами. Это явление нельзя объяснять влиянием татарского языка на развитие узбекского литературного языка. Это явление разъясняется несколькими причинами. Например, основной причиной является активное участие татарской интеллигенции в сфере прессы. Кроме того, неточное определение норм по всем направлениям узбекского литературного языка, не определение единицы, свойственной какому диалекту, как нормы для литературного языка также открыла дорогу использования элементов, присущих татарскому языку. Спустя некоторое время в результате определения единиц, рассматриваемых как норма для литературного языка, из узбекских диалектов, элементы, свойственные татарскому языку вышли из письма на законной основе. Значит, употребление элементов азербайджанского и татарского языков в письменных источниках того времени не является фактом, показывающим влияние этих языков на формирование и развитие современного узбекского языка» [9, с. 25].

Вышеприведенные выводы А. Ходжиева можно оценивать, как вид нового подхода к явлениям, рассматриваемых в данной статье. Наряду с этим, такие пробле-

мы как было ли межязыковое влияние важным фактором в тот период в употреблении элементов азербайджанского языка в истории узбекского языка или можно ли этот факт рассматривать как языковой параллель, появившийся от общности генетического источника этих языков, требуют отдельных исследований.

Выше было сказано, что татарская интеллигенция непосредственно активно участвовала в узбекской прессе рассматриваемого периода. Можно предположить, что именно они в процессе редактирования или подготовки газетного материала внесли огромное количество татарских выражений и слов в узбекский текст. В этом случае, татарских элементов, встречающихся в тексте можно оценивать не как *заимствование*, а как *вульгаризм*. Потому что, когда речь идет о влиянии на язык, нужно иметь в виду явления как заимствование, усвоение от одного языка к другому. Если эти элементы были бы заимствованиями, усвоениями узбекским языком, то они не так легко вышли бы из употребления.

Однако следует отметить, что татарские интеллектуалы были активны в пресс-институтах, а также в некоторых областях системы образования до 1930-х годов. Татарский, азербайджанский, особенно османский турецкий указывает на то, что пчела имела эффект. Но этот эффект, конечно, не был значительным, был временным и не стабилизировался. Огузский диалект не взял на себя инициативу. Это наглядно иллюстрируется состоянием формирования узбекского литературного языка во второй половине XIX века и, особенно, до 30-х годов двадцатого века, совершенством норм, стабилизацией языка прессы и литературных произведений. Таким образом, нельзя исключать, что язык на территории Узбекистана (сарты – чигатай – узбек) находился под влиянием западнотюркского языка в течение примерно 50 лет (полвека) и отражается как в прессе, так и в литературном и

научном языке. Это нормально для периода формирования. Поскольку мы продолжаем говорить о языке того периода, существуют противоречивые мнения о том, как будет выглядеть узбекский литературный язык начала 20-го века. Одна группа интеллектуалов выступала за то, чтобы литературный язык был таким же сложным и литературным, как и старый узбекский язык, в то время как другая группа выступала за то, чтобы язык был как можно более близким, понятным и легким для понимания. Так продолжалась борьба за формирование расы.

Сторонники первого взгляда обвинили сторонников второго взгляда в “приближении литературного языка к улице”. Об этом свидетельствуют идеи, опубликованные в периодических изданиях группой интеллектуалов в таких журналах, как «Окно», «Учитель образования», «Революция».

В конце можно сказать, что причины употребления элементов «западнотюркского языка» в узбекском литературном языке джадидского периода и проблемы их научной оценки требуют специального научного исследования с привлечением большого объема материалов.

Библиографический список

1. Боровков А. К. Узбекский литературный язык в период 1905–1917 гг. – Ташкент, 1940. – 103 с.
2. Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России конец XIX – начало XX в. – Москва, 1974. – 310 с.
3. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – Москва, 1967. – 133 с.
4. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. – Ленинград, 1989. – 207 с.
5. Қодиров П. Халқ тили ва реалистик проза (Народный язык и реалистическая проза на узб. яз.). – Ташкент, 1990. – 165 с.
6. Узбек адабиёти тарихи (История узбекской литературы на узб. яз.) : учебник. – Ташкент, 1980 – 388 с.
7. Ниёзий Ҳ. Ҳ. Тула асарлар туплами. Иккинчи том / Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий. (Полное собрание сочинений. Второй Том / Хамза Хакимзода Ниязи. на узб. яз.) – Ташкент, 1988. – 297 с.

8. Бобомуродова Ш. Э. Ўзбек тилшунослиги ривожда Элбекнинг роли (Роль Эльбека в развитии узбекской лингвистики на узб. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 2002. – 26 с.
9. Совет даврида ўзбек адабий тилининг таракқиёти (Развитие узбекского литературного языка в советское время на узб. яз.). – Ташкент, 1988. – 230 с.
10. Махмудов Н. Тилимизнинг тилла сандиги (Золотой сундук нашего языка). – Ташкент, 2012. – 27 с.

© *Нормаматов С. Э., 2020.*

УДК 34:619:614.2

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕТЕРИНАРНОГО ВРАЧА

Д. В. Бышов

*Кандидат исторических наук, доцент,
e-mail: bishovdv@mail.ru,
студентка,*

В. П. Барановская

*e-mail: vinogradova-oles@rambler.ru,
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

SOME LEGAL ISSUES OF THE ACTIVITY OF A VETERINARIAN

D. V. Byshov

*Candidate of historical sciences,
associate professor,
e-mail: bishovdv@mail.ru,
student,*

V. P. Baranovskaya

*e-mail: vinogradova-oles@rambler.ru,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, The Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. This article contains the basic rights and obligations of a veterinary specialist, which give some ideas about his work. The material provided shows how a veterinarian should behave, as well as what responsibility they bear for their actions. The text also included examples of specific situations with offenses, as well as explanatory summaries of laws and regulations of the Russian Federation.

Keywords: veterinarian; rights; duties; law; responsibility; offenses.

В настоящее время сложилось мнение окружающих, что во время работы ветеринарный врач не имеет проблем с лечением животных, что ему не приходится решать конфликты с людьми. Тем не менее, каждый ветеринар в своей жизни обязательно сталкивается как со сложностью постановки диагноза, так и с людьми, недовольными выполненной им работой. Часто возникают ситуации, в которых сложно разрешить конфликт мирным путем. Поэтому каждый ветеринарный врач должен знать свои права и обязанности, уметь признавать свои ошибки и не давать клиентам несправедливо обвинять себя, умея ссылаться на закон, а не приводить необоснованные суждения [1].

Ветеринарный врач – это специалист с высшим ветеринарным образованием, занимающийся лечением животных, и у него есть определенные права и обязанности, закрепленные законом. Если есть обязанности, то есть и ответственность за их несоблюдение или нарушение. А нарушение и несоблюдение обязательств, повлекшее за собой ущерб, отказ от оказания помощи наказываются по статьям административного и уголовного кодекса.

Основным нормативно правовым актом, регулирующим деятельность ветеринара, является Закон РФ № 4979-1 «О ветеринарии» от 14 мая 1993 года (с изменениями на 13 июля 2020 года) [2].

Опираясь на данный закон и на приказ Минздравсоцразвития РФ от 15.02.2012 г. N 126н [3], можно выделить следующие права и обязанности ветеринарного врача:

1. Установка диагноза;
2. Лечение больных животных;
3. Проведение профилактики заболеваний с применением всех разрешенных методов и средств;
4. Проводить ветеринарно-санитарную экспертизу мяса и других продуктов животноводства.
5. Осуществление патологоанатомического вскрытия трупов животных и выдача заключения о причинах смерти;
6. Выдача ветеринарных свидетельств и справок о благополучии местности по заразным заболеваниям;
7. Обеспечение надлежащего качества выполняемых ветеринарных работ и мероприятий.
8. Осуществление ветеринарной деятельности в соответствии с ветеринарным законодательством РФ и иными правовыми актами;
9. Соблюдение прав и законных интересов владельцев животных;
10. Проведение лечения и в стационаре, и с выездом на дом.

Тем не менее, прав и обязанностей у ветеринара гораздо больше, но этого достаточно, чтобы понять, насколько непросто для него ошибка. Ветеринарный врач может нести дисциплинарную, административную и уголовную ответственность за: отказ от проведения обязательных профилактических мероприятий и нарушение сроков их проведения; нарушение правил карантина; несоблюдение действующих ветеринарных правил и другие.

Пример уголовного правонарушения: Хозяин привел питомца в ветеринарную клинику. После обследования была выявлена необходимость хирургического вмешательства, но во время операции врач превысил дозу наркоза, в результате чего наступила смерть животного. Здесь описан случай халатности ветеринарного вра-

ча. Наказание приведено в Уголовном кодексе РФ статья 293 Халатность (штраф в размере от ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы) [4].

В качестве примера административного правонарушения можно привести следующее: ветеринарным врачом был проведен осмотр животного, транспортируемого в другое хозяйство, но полная диагностика не была проведена, в результате чего животное было перевезено в другое хозяйство и заразило целое стадо. По вине врача произошло дальнейшее распространение болезни. Хозяйство, которое приобрело больное животное, понесло серьезные убытки [5].

Подобные случаи служат примером 8 статьи Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях РФ Глава 10 «Нарушение ветеринарно-санитарных правил перевозки, перегона или убоя животных либо правил заготовки, переработки, хранения или реализации продуктов животноводства».

Таким образом из всего вышесказанного можно сделать вывод, что каждый ветеринар должен в совершенстве знать Закон РФ № 4979-1 «О ветеринарии», чтобы в дальнейшем правильно организовывать свою деятельность, а также не сталкиваться с уголовной и административной ответственностью.

Библиографический список

1. Домницкий И. Ю. Профессиональная деятельность ветеринарного врача: краткий курс лекций для студентов I курса специальности «Ветеринария». – Саратов : ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, 2016. – 51 с.
2. О ветеринарии: Закон РФ от 14 мая 1993 г. N 4979-1 // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993 – № 24. – Ст. 857.
3. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников сельского хозяйства»: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 15.02.2012 г. N 126н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – № 28.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря

2001 г. // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

© *Бышов Д. В.,
Барановская В. П., 2020.*

УДК 34:29:51

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ВОПРОСЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ НАНОБИОТЕХНОЛОГИЙ

Д. В. Бышов

П. В. Лебедева

С. Г. Швецова

*Кандидат исторических наук, доцент,**e-mail: bishovdv@mail.ru,**студентка,**e-mail: p.lebedeva@yandex.ru**студентка,**e-mail: sofya-shvecova@mail.ru**Мордовский государственный университет**имени Н. П. Огарёва,**г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

LEGAL FEATURES IN THE ISSUE OF THE SPREAD OF NANOTECHNOLOGY

D. V. Byshov

P. V. Lebedeva

S. G. Shvetsova

*Candidate of historical sciences, associate professor,**e-mail: bishovdv@mail.ru,**student,**e-mail: p.lebedeva@yandex.ru**student,**e-mail: sofya-shvecova@mail.ru,**Ogarev Mordovia State University,**Saransk, The Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. The article deals with the application of legal norms in regulating the production of goods in the biotechnological industry. The issues of environmental protection during the use of products in this field of activity are considered. The bioethics aspect of using such innovations in medicine and industry is touched upon.

Keyword: nanobiotechnology; federal law; constitution; environment; bioethics.

В настоящее время современный мир наполнен прогрессом и динамическим движением. На пути делаются открытия и новые свершения. Одой из наиболее актуальных отраслей является нанобиотехнология. Нанобиотехнология – биологическое применение или использование нанотехнологий. Проводятся исследования для получения полной информации о биообъекте, затем с помощью современных методов, материалов, интерфейсов малые компоненты живого. Эта сравнительно молодая отрасль, уже ушедшая вперед. Основывается на выработке наноустройств, способных выполнять операции от диагностики и мониторинга до уничтожения патогенных микроорганизмов, восстановления поврежденных органов, снабжения организма необходимыми

веществами и т.д. Широкое применение получила в области медицины. Возможности нанотехнологий нацелены на управление с помощью наноматериалов и наночастиц физическими, химическими и биологическими процессами, протекающих в живых организмах на молекулярном уровне [1, с. 104].

В нашей стране основополагающим правовым документом, регулирующим отрасль биотехнологий в сфере наноизобретений, является Конституция Российской Федерации. Согласно ч. 1, ст. 44 каждый гражданин имеет свободу научного, технического и других видов творческой деятельности. При этом государство гарантирует охрану интеллектуальной собственности при помощи системы патентирования изобретений и т. д. [2].

Программа развития данной области науки описана в Постановлении Правительства РФ от 24.04.2012 № 1853. Комплексный подход к теме биотехнологий на период до 2020 года позволяет осуществить долгосрочное планирование и поэтапное улучшение всех основных компонентов, влияющих на процесс создания прототипов, производства опытных образцов и внедрения готовой продукции потребителям [3].

Также нанобиотехнология должна быть подразделена на отдельные категории товаров и услуг, которые она может обеспечить. Этот вопрос затрагивается в распоряжении Правительства РФ от 07.07.2011 №1192 «Об утверждении категорий продукции наноиндустрии». Выделяют четыре группы конечной продукции упомянутой отрасли. К категории А принадлежат все товары, содержащие компоненты, имеющие размеры от 1 до 100 нанометров, в процессе выработки которых были применены технологии геномики, протеомики, а также возможно применения иных методов биологии. В категорию «Г» относят те изделия и услуги биотехнологии, что могут способствовать увеличению качества нанобъектов в ходе измерений или контроля, либо способные к направленному изменению объекта с помощью воздействий на атомном или молекулярном уровне [4].

За счёт высокой биологической активности частиц наноразмера в составе объектов биотехнологической промышленности предположение о возможности их воздействия на окружающую среду и организмы, проживающие в данных условиях, не лишено оснований. Эта тема имеет высокую актуальность для дальнейших исследований в данной сфере. К примеру, при использовании нанотрубок может происходить адсорбция загрязняющих веществ, солей тяжёлых металлов (Fe, Cu, Co), ароматических красителей. Процесс оседания соединений на данных объектах превращает безопасное и полезное изоб-

речение в потенциальную угрозу для живых организмов и водных объектов неживой природы [5, с. 105].

В целях защиты окружающей среды принят Федеральный закон от 10 января 2002 № 7 «Об охране окружающей среды». Документ описывает меры контроля и мониторинга за состоянием природных ресурсов, а также в ст. 22 определены нормативные количества загрязняющих веществ, которые могут поступать в биосферу без причинения непоправимого вреда природной среде [6].

Применение биотехнологий на практике несёт большой спектр получения новых наноконструкций, используемых в медицинской и промышленной сферах. Правовое регулирование позволяет отследить все аспекты рода деятельности от безопасности до экономики. Позволяет понять этические и правовые стороны. Как это будет влиять на жизнь и поведение людей, а так же гуманность характера использования методов в лечении. Биоэтика имеет тесную связь с юридическими науками. Она характеризует степень правильности пользования нанобиотехнологий по отношению к людям.

Таким образом мы прослеживаем тесную взаимосвязь между биотехнологической отраслью, где используются наночастицы как составляющие продукции, и механизмом правового регулирования данной сферы промышленности.

Библиографический список

1. Медико-биологическая оценка безопасности наноматериалов: метод. указания. – М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2010. – 123 с.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. – 4 июля 2020 г. – № 144.
3. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130043

4. Об утверждении категорий продукции нано-индустрии в части товаров и услуг: Распоряжение Правительства РФ от 7 июля 2011 г. № 1192-р // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
5. Саяпина Н. В. Эколого-биологическая оценка углеродных наноматериалов как загрязняющих веществ: дис. на соискание уч. степени канд. биол. наук. – Якутск, 2019. – 125 с.
6. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

*© Бышов Д. В.,
Лебедева П. В.,
Швецова С. Г., 2020.*

УДК 349.6:502.1

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЖИВОТНОГО МИРА. КРАСНАЯ КНИГА**Д. В. Бышов****А. Ф. Мишина****Д. А. Черакшева**

*Кандидат исторических наук, доцент,
e-mail: bishovdv@mail.ru,
студентка,
e-mail: alya.alex.tru99@mai.ru,
студентка,
e-mail: dianadana75@gmail.com,
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

ECOLOGICAL AND LEGAL REGIME OF THE ANIMAL WORLD. RED BOOK**D. V. Byshov****A. F. Mishina****D. A. Cheraksheva**

*Candidate of historical sciences, associate professor,
e-mail: bishovdv@mail.ru,
student,
e-mail: alya.alex.tru99@mai.ru,
student,
e-mail: dianadana75@gmail.com,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, The Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. This article contains general ideas about the essence of the ecological and legal regime of the animal world and the red book of the Russian Federation. The presented material reveals the problem of responsibility and offenses in relation to the animal world. For a clearer presentation of the text, articles from the federal law "On the animal world" were included.

Keyword: legal regime; fauna; red book; ecological legal relations; legal responsibility.

Животный мир – совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации.

Только дикие животные (пресмыкающиеся, млекопитающие, птицы, земноводные рыбы, в том числе, моллюски и насекомые), обитающие временно или постоянно на территории страны в условиях естественной свободы на суше, в почве, в атмосфере, а также в воде, являются объектом использования и охраны.

Право на использование животного мира – это система правовых норм, регулирующая порядок и условия использова-

ния объектов животного мира, а также права и обязанности пользователей животного мира. Право использования животным миром для конкретных субъектов подразумевает совокупность прав и обязанностей по отношению к предоставленным им в пользование объектам животного мира.

Экологические правоотношения – общественные отношения, регулируемые правовыми нормами в области охраны окружающей среды и природопользования. Экологические правоотношения рассматривают с разных сторон: окружающей среды; экологические правоотношения как общественные отношения в области охраны природопользования, экологические правоотношения как разновидность правовых отношений; экологиче-

ские правоотношения как предмет экологического права.

Сформулировать понятие экологических правоотношений можно на основании ст. 2 Федерального закона № 7 -ФЗ «Об охране окружающей среды», которая выделяет следующие виды экологических правоотношений [1]:

- отношения, возникающие в области охраны окружающей среды как основы жизни и деятельности людей, проживающих на территории РФ, для обеспечения права на благоприятную окружающую среду;

- отношения, возникающие в области охраны и рационального использования, сохранения и восстановления природных ресурсов;

- отношения, возникающие в области охраны окружающей среды, в той степени, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения

Согласно ст. 4 Федерального закона № 52-ФЗ «О животном мире» животный мир на территории РФ является государственной собственностью – достоянием всех ее народов. Вопросы владения, пользования и распоряжения животным миром на территории нашей страны относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ [2]. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ в отношении объектов животного мира в порядке, определяемом Законом о животном мире, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, а также нормами международного права.

Отношения по владению, использованию и распоряжению объектами животного мира регулируются гражданским законодательством в той мере, в какой они не урегулированы Законом о животном мире. Объекты животного мира, которые были изъяты из среды обитания в установленном порядке, могут находиться в

государственной, частной, муниципальной, а также в иных формах собственности. Перечисленные отношения регулируются Законом о животном мире, гражданским законодательством, законами и другими нормативными правовыми актами РФ [3, с. 308].

Согласно Постановлению Правительства РФ от 19 февраля 1996 г. № 158 «О Красной книге Российской Федерации» Красная книга РФ ведется Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ на основе систематически обновляемых данных о состоянии и распространении редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, обитающих (произрастающих) на территории РФ, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ [4]. Она является официальным документом, содержащим свод сведений об указанных объектах животного и растительного мира, а также о необходимых мерах по их охране и восстановлению.

Юридическое значение Красной книги заключается в том, что содержащиеся в ней животные приобретают особый правовой статус, а именно:

1. Не подлежат передаче в негосударственную собственность животные, занесенные в Красную книгу Российской Федерации. В свою очередь разведение в неволе таких животных нуждается в специальном разрешении Российской Федерации.

2. Пребывание на той или иной территории животных, занесенных в Красную книгу, является основанием для провозглашения данной территории объектом общегосударственного природоохранного фонда.

3. Добыча таких животных осуществляется только в научных и селективных целях и в исключительных случаях. Его могут проводить только в научные учреждения за именными разрешениями Минприроды. Эти разрешения не выдаются отдельным гражданам.

4. Принятые законы о повышении уголовной, административной и имущественной ответственности за уничтожение или повреждение видов животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации.

В целях охраны и учета редких и исчезающих животных и других организмов создана Красная книга РФ и красные книги субъектов РФ. Животные, растения и другие организмы, которые относятся к видам, занесенным в красные книги, повсеместно исключают из хозяйственного использования. Для сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения животных, растений и других организмов их генетический фонд подлежит сохранению в низкотемпературных генетических банках, а также в искусственно созданной среде обитания. Запрещена деятельность, приводящая к сокращению численности этих животных, растений и других организмов и ухудшающая среду их обитания [5].

Действия, приводящие к гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания объектов животного мира, занесенных в Красные книги, запрещаются. Также несут ответственность за сохранение и воспроизводство объектов животного мира в соответствии с законодательством РФ и законодательством субъектов РФ юридические лица и граждане, которые осуществляют хозяйственную деятельность на территориях и акваториях, где обитают животные, занесенные в Красные книги.

Изъятие диких животных из естественных сред обитания, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ, может быть допущено в исключительных случаях по распоряжению, выдаваемому специально уполномоченным государственным органом по охране окружающей среды в порядке, предусмотренном Правительством РФ. Так же в исключительных случаях, определенных Правительством РФ, допускается содержание указанных животных в неволе и выпуск их в естественную природную среду.

Библиографический список

1. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
2. О животном мире: Федеральный закон от 24.04.1995 N 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.
3. Ерофеев Б. В. Экологическое право России : учебник для академического бакалавриата / под научной редакцией Л. Б. Братковской. – 24-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 455 с.
4. О Красной книге Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 19.02.1996 N 158 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 808.
5. Об утверждении Правил добывания объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 6 января 1997 г. № 13 // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 3. – Ст. 385.

© Бышов Д. В.,
Мишина А. Ф.,
Черакшева Д. А., 2020.

УДК 343.58

ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ

Д. В. Бышов

*Кандидат исторических наук, доцент,**e-mail: bishovdv@mail.ru,*

О. А. Павлюченкова

*студентка,**e-mail: oz.902716@gmail.com,**Мордовский государственный университет**имени Н. П. Огарева,**г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

LEGAL LIABILITY ISSUES FOR ANIMAL CRUELTY

D. V. Byshov

*Candidate of historical sciences, associate professor,**e-mail: bishovdv@mail.ru,*

O. A. Pavluychenkova

*student,**e-mail: oz902716@gmail.com,**Ogarev Mordovia State University,**Saransk, The Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. This article contains materials and information describing methods of cruelty to animals based on the criminal law provided for in article 245 of the Criminal code of the Russian Federation. The provided material shows that citizens who have witnessed crimes against defenseless animals can apply to law enforcement agencies for help. People who commit crimes can be severely punished depending on their severity. It also justifies the conclusions that animal euthanasia cannot be qualified as ill-treatment.

Keywords: animal; ill-treatment; criminal liability; euthanasia; law; animal torture.

Жестокое обращение – это действия (бездействия), повлекшие гибель животного или нанесение ему телесного вреда, которые направлены как на причинение животному боли или страданий, вызванные хулиганскими или корыстными побуждениями. В настоящее время жестокое обращение с животными, приобрело широкий характер. Бродячие и домашние животные зачастую подвергаются насилию со стороны не только взрослых людей, но и детей.

С жестоким отношением к животным чаще всего невольно сталкивается ветеринарный врач. Ведь это специалист, с высшим образованием, который обязан лечить братьев наших меньших и выполнять сопутствующие обязанности. Бывают случаи, когда на прием приносят пациента с просьбой усыпить животное, даже без особых причин.

31 декабря 2017 года вступил в силу Федеральный закон от 20 декабря 2017 г. N 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1]. Главным нововведением является установление более строгой ответственности за жестокое обращение с животными за счет того, что:

– криминализировано жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, когда это деяние совершено не из хулиганских или корыстных побуждений и без применения садистских методов;

– такие обстоятельства преступления, как «применение садистских методов» и «присутствие малолетнего», перенесены в квалифицированный состав преступления;

– перечень квалифицирующих признаков преступления дополнен следующими

признаками: «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях» и «в отношении нескольких животных»;

В последнее время случаи истязаний животных участились, поэтому указанный закон можно считать реакцией на волнения небезразличных к животным граждан, которые для его принятия смогли собрать больше полутора миллионов подписей в петиции [2]. Некоторые из них приобрели большой общественный резонанс (дело «живодерок из Хабаровска», «звериного Чикатило из Верхней Пышмы») [3].

Домашние и дикие животные все чаще становятся жертвами преступлений. Большинство из них имеют тяжелые увечья, как результат их истязаний со стороны граждан с насильственным типом личности и др.

В зависимости от используемого орудия совершения преступления способы жестокого обращения с животными подразделяются на механические, асфиксацию, химические, доведение животных до физического перенапряжения, с применением огня или электрического тока и комбинированные. [4, с. 152].

При привлечении к ответственности живодеров, нужно предпринять следующие действия.

1. Подать заявление в полицейский участок;

2. Параллельно с подачей заявления в полицию, можно написать заявление в Комитет Государственной Думы по экологии и охране окружающей среды;

3. В случае, если полиция не предпринимает никаких действий, или вообще не принимает заявление, то следует подать его в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Если преступление будет доказано, то в отношении живодера будет выбрана одна из мер наказания в соответствии с тяжестью поступка:

А) штраф в размере заработной платы или другого дохода за период до шести месяцев;

Б) штраф до 80000 рублей;

В) обязательные работы на срок до 360 часов;

Г) ограничение свободы на срок до 1 года;

Д) арест на срок до шести месяцев;

Е) лишение свободы на срок до трех лет [5].

В том случае, если преступление совершила группа лиц, или группа лиц по предварительному сговору, либо же это произошло в присутствии малолетнего, с применением садизма, публичной демонстрацией в СМИ или интернете, а так же если это совершалось в отношении нескольких животных, то наказание может быть таким:

А) штраф от 100000 рублей до 300000 рублей;

Б) штраф в размере заработной платы или другого дохода за период от одного до двух лет;

В) исправительные работы до двух лет;

Г) принудительные работы до пяти лет;

Д) лишение свободы на срок от трех до пяти лет. [5].

В ветлечебницы довольно часто обращаются граждане с просьбой усыпить здоровых домашних животных просто потому, что они им надоели, или у них появились трудности в их содержании. В уголовном законе ответственность за умерщвление домашних животных не предусмотрена. Согласно статье 137 Гражданского кодекса Российской Федерации, по отношению к животным на территории РФ применяются общие правила об имуществе [6]. То есть, юридические права владельца по отношению к домашним питомцам в целом не отличаются от возможностей распоряжения любым другим имуществом. Владелец имеет полное право передать свое имущество по

наследству, продать его или уничтожить. Но в статье 137 оговаривается то, что не допускается противоречащее принципам гуманности жестокое обращение с животными. Поэтому эвтаназия оправдывается только в тех случаях, когда животное страдает неизлечимой болезнью или переносит тяжелые мучения, и в некоторых других ситуациях. [6, с. 6].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в нашей стране обязанность гуманного отношения с животными имеет не то только моральный, но и правовой характер.

С правовой точки зрения жестоким обращением считается действие (бездействие), противоречащее принципам нравственного отношения к животным. То есть преднамеренное убийство или нанесение увечий братьям нашим меньшим в настоящее время наказуемо, а вид наказания зависит от степени нанесенного вреда. Эвтаназия не является жестоким обращением к животным, но применяться она должна в особых случаях (неизлечимая болезнь, тяжелые телесные повреждения, из-за которых животное испытывает мучения и т. д.), иные случаи умерщвления не предусматриваются.

Библиографический список

1. О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 20 декабря 2017 г. N 412-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2017. – № 52 (Часть 1). – Ст. 7935.
2. 1,5 млн подписей за закон в защиту животных передано в администрацию президента // Агентство социальной информации: [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2017/11/08/petitsiya-zakon-o-zashhite-zhivotnyh>
3. Следственный комитет Российской Федерации: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sledcom.ru>
4. Волкова Г. П. Криминалистическая характеристика жестокого обращения с животными // Вестник Московского Университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 149–153.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Климанова Д. Д. Защита владения в гражданском праве (монография). – М.: «Проспект», 2019. – 152 с.

© Бышов Д. В.,
Павлюченкова О. А., 2020.

УДК 334.722.8

**ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ПРОЦЕССА УЧРЕЖДЕНИЯ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА****И. В. Ураева***Кандидат исторических наук, доцент,**e-mail: uraevairinavic_1608@mail.ru***М. В. Мостяева***студентка,**e-mail: masha.mostyaeva@mail.ru,**Тамбовский государственный университет**имени Г. Р. Державина,**г. Тамбов, Россия***DOCUMENTATION SUPPORT OF THE PROCESS
OF ESTABLISHING A JOINT-STOCK COMPANY****I. V. Uraeva***Candidate of Historical sciences, associate professor,**e-mail: uraevairinavic_1608@mail.ru,***M. V. Mostyaeva***student,**e-mail: masha.mostyaeva@mail.ru,**Tambov State University**named after G. R. Derzhavin,**Tambov, Russia*

Abstract. This article describes the process of forming the documentation package required at the stage of establishing a joint-stock company. The main types of documents, the preparation of which is a necessary condition for passing state registration for this organizational and legal form of a legal entity, are identified and studied in detail. Distinctive features and rules for filling in some of them were found. The key provisions and requirements for a single constituent document – the Charter—are given. The authors identified the main ways to submit documents for registration. Based on the analysis, a list of documents received after registration was compiled.

Keyword: joint-stock company; establishment process; regulatory documents; state registration; package of documents; document form.

Такая организационно-правовая форма юридического лица как акционерное общество делится на два вида основных вида: публичное акционерное общество и непубличное акционерное общество. Несмотря на существование отличительных признаков, их процесс учреждения является практически идентичным. Рассмотрим этапы создания акционерных обществ, а также перечень документов, необходимых при этом.

Последовательность действий данного процесса регулируется ФЗ № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Согласно этому нормативному акту, учредителям в первую очередь необходимо дать название организации и решить

вопрос, касающийся место нахождения организации. Адресом регистрации юридического лица следует считать тот, по которому находится его руководитель в лице директора, генерального директоры и др., т.е., обращаясь к закону, «постоянно действующий исполнительный орган компании».

Адресом организации также может являться место нахождения непосредственно офиса учредителя, в том числе и домашний адрес самого руководителя фирмы. Помимо этого адресом компании может служить и адрес арендованного помещения. На самом деле не столь важно, какой именно из указанных выше вариантов адресов будет использован учредителем, главное, чтобы по адресу регистра-

ции можно было найти и связаться с организацией [3].

После этого необходимо определить территориальную налоговую службу и, руководствуясь ст.12 ФЗ№129, сформировать пакет документов для регистрации АО, который включает в себя следующее:

1) заявление, составленное по форме Р11001;

2) непосредственно решение о создании общества (если учредитель один, то его оформленное решение, если несколько – то протокол общего собрания учредителей);

3) учредительные документы (устав в 2-х экземплярах, если документ подается лично или по почте, и в 1-ом – при направлении по электронной почте);

4) документы, которые подтверждают место нахождения юридического лица (например, договор аренды);

5) чек, свидетельствующий о факте оплаты обязательного сбора [3].

Учредительное собрание – в данном случае является формальной процедурой, в процессе которой утверждается решение о создании акционерного общества, также на собрании принимается Устав организации. Несмотря на то, что собрание учредителей можно считать формальным, Устав должен быть тщательно продуман, так как он является основным актом, определяющим порядок функционирования организации, и отражает полномочия и ответственность руководителей. Данный документ должен содержать подробную информацию по следующим пунктам:

1) пределы имущественной ответственности акционеров;

2) распределение доходов;

3) общее собрание и порядок его проведения;

4) преимущественное право при покупке акций;

5) условия проведения аудита финансовой проверки;

б) порядок приобретения акций, принцип их распределения в уставном капитале.

Также решается вопрос о размещении акций, их стоимости, типах и порядке оплаты [2].

Обращаясь к документам, особое внимание стоит уделить самому заявлению, так как от правильности его заполнения зависят сроки начала функционирования предприятия. С 2018 года обязательным условием при подаче данного заявления является электронный адрес, так как документы, целью которых является подтверждение факта регистрации АО, направляются заявителю только в электронном виде. Бумажный вариант этих документов получить можно только по соответствующему запросу заявителя и только в качестве дополнения [4].

Так как форма документа предназначена для машиночитаемости, то следует учесть основные правила по её заполнению, в первую очередь касающиеся подчерка. Все буквы, которые должны быть заглавными, и цифры необходимо прописывать в отдельных клетках. Размер, тип и цвет шрифта строго регламентированы, также существуют нормы по сокращению видов документов, населенных пунктов и заполнению пропусков, переносов. Документ формы 11001, состоящий из нескольких страниц, имеет на каждой из них штрих-код.

При заполнении стоит принять во внимание, что фирменное наименование АО и при наличии сокращенного прописываются только на русском языке. Как уже отмечалось выше, заявители – все учредители, поэтому на каждый их них должен заполнить лист Н и обязательно поставить подпись, которая является нотариально заверенной. Важным пунктом также являются коды ОКВЭД, которые вносятся в документ без их наименований. При ошибке в данном пункте в регистрации может быть отказано.

Важно отметить, что для регистрации необходимы заявления всех учредителей, так как все они рассматриваются в качестве заявителей, поэтому необходимо предварительно заверить все подписи у

нотариуса. Исключение составляет лишь случай, когда заявитель или заявители подают документы лично и предъявляют при этом документ, который удостоверяет их личность. Если же заявление подается не лично, то в этом случае следует составить доверенность, которая также заверяется нотариально.

Существует несколько способов подачи данных документов:

- 1) напрямую в регистрирующий орган;
- 2) при помощи МФЦ;
- 3) почтовое отправление, воспользовавшись описью вложения;
- 4) через Единый портал ГОСУСЛУГ или через интернет-сервис ФНС России;
- 5) по средствам услуг нотариуса, обязательно при личном обращении все учредителей [5].

После регистрации АО, т.е. после тщательной проверки каждого документа на достоверность и корректность информации, представленной в нем, по истечению трех рабочих дней заявителю выдается следующий пакет документов:

- 1) свидетельство о постановке на учет;
- 2) устав с отметкой регистрирующего органа в одном экземпляре;
- 3) лист записи в ЕГРЮЛ.

Последний представляет собой документ, содержащий в себе сведения о внесении записи в единый государственный реестр юридических лиц. В нем отображена информация о кодах ОГРН, КПП и ИНН; полное наименование организации; юридический адрес; информация о размере уставного капитала, представлены сведения о руководстве и учредителях общества, коды ОКВЭД, а также список, который подавался для регистрации юридического лица. Лист записи в ЕГРЮЛ – подтверждение самого факта создания организации.

Свидетельство, которое устанавливает факт постановки на учет в налоговой службе, содержит в себе сведения, касающиеся ОГРН, ИНН, КПП; полного

наименования организации; даты постановки на налоговый учет, а также адрес ИФНС, в которой организация стоит на учете. Следует отметить, что ИНН присваивается организации только один раз и остается неизменным на протяжении всего времени существования Общества. В том случае, если меняется адрес юридического лица, изменяется только КПП [1].

Подводя итог, хочется остановить свое внимание на том, что на сегодняшний день акционерные общества являются одной из самых актуальных форм юридического лица, даже несмотря на то, что процесс учреждения в документационном плане предусматривает не только внимательность и аккуратность, но и юридическую грамотность. Именно от правильности составления документов на начальном этапе функционирования общества будет зависеть успех его дальнейшей деятельности.

Библиографический список

1. Банк России. - URL: https://cbr.ru/issuers_corporate/form_706/ (дата обращения: 16.11.2020).
2. Коммерсантъ. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3608> (дата обращения 16.11.2020).
3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон № 129-ФЗ: редакция от 19.10.2020: принят Государственной Думой 13 июля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 г. - Текст: электронный // Консультант Плюс: справочно-правовая система – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 16.11.2020).
4. Старт – о бизнесе доступно. - URL: <https://www.regberry.ru/registraciya-ooo/obrazcy-dokumentov/forma-r11001-zapolnenie> (дата обращения: 16.11.2020).
5. Федеральная налоговая служба. - URL: https://www.nalog.ru/create_business/ul/creation/registration/step4/ (дата обращения: 13.11.2020).

© Ураева И. В.,
Мостяева М. В., 2020.

УДК 342.7

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В СФЕРЕ ИММИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРГ)****А. Н. Шамне**

*Магистрант,
ORCID 0000-0002-1012-8257,
e-mail: antonsh97@gmail.com,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия*

**CURRENT LEGAL AND SOCIAL PROBLEMS IN THE FIELD
OF IMMIGRATION (AS EXEMPLIFIED IN THE GERMAN FEDERAL REPUBLIC)****A. N. Shamne**

*Master student,
ORCID 0000-0002-1012-8257,
e-mail: antonsh97@gmail.com,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

Abstract. The article describes the phenomenon of migration, taking into account the specifics of the migration process itself. The main reasons for migration are described. Using the example of Germany, some problems of immigration are considered as an important direction of migration policy. The article describes the socio-structural characteristics of the migration process, in particular motivational, spatial, temporal, and socio-cultural dimensions. The expediency of more consistent consideration of the selected characteristics of the migration process in the development of the appropriate legal framework in this area is justified.

Keywords: migration; immigration; migration phases; migration policy; migration legislation.

Миграционные перемещения людей в современном мире вызваны множеством взаимосвязанных причин и ограничений. Основными международными факторами являются различия в развитии и доходах между странами с высокой и низкой заработной платой, политические и этнические конфликты или экологические изменения. Кроме того, существуют такие факторы, как растущая глобализация экономики и увеличивающийся международный обмен товарами и услугами. Рост миграции в промышленно развитые страны, а также в политически стабильные, экономически процветающие развивающиеся страны стал характерным мировым процессом последних лет.

Представим отдельные проблемы иммиграции как важного направления миграционной политики на примере Германии. Федеративная Республика Германия является особой страной иммиграции: с одной стороны, иммиграция в значитель-

ной степени осуществляется за счет беженцев, с другой стороны – в результате набора «гастарбайтеров» и поздних иммигрантов после распада Восточного блока. В пределах Европы Германия является страной с самым высоким уровнем иммиграции. Как сообщает Федеральное статистическое управление (Destatis), в 2019 году 21,2 миллиона человек, а значит, 26,0 % населения Германии имели миграционный фон. На основе данных микропереписи, это соответствует увеличению на 2,1 % по сравнению с предыдущим годом (2018: 20,8 миллиона). Согласно используемому здесь определению, человек имеет миграционное прошлое, если он или хотя бы один из его родителей не родился с немецким гражданством [1]. Следует заметить, что в научной литературе термины «миграция» и «иммиграция» иногда используются как синонимы. Однако мы придерживаемся точки зрения, что данные понятия несколько различают-

ся. Иммиграция предполагает прежде всего въезд и поселение в данной стране, которая является целью. Миграция охватывает более широкий круг ситуаций: помимо иммиграции в данное понятие включаются также различные по видам краткосрочные миграционные потоки в страну назначения.

Обращение к различным статистическим базам данным свидетельствует о том, что Германия уже много лет является иммиграционным обществом. Однако это – де-факто, ведь де-юре федеральное правительство долгое время не хотело признавать официально Германию страной иммиграции. В течение десятилетий иммиграция была в значительной степени табуирована ритуальными декларациями «неиммиграционной страны». Только федеральное правительство, состоящее из представителей СДПГ и Союз 90-х / Зеленые, вступив в должность в 1998 году, признало, что иммиграция в Германии – состоявшийся процесс. Это ознаменовало изменение парадигмы в дебатах по немецкой иммиграции, которые идут уже в немецком обществе длительное время. И соответственно – некое переориентирование миграционной политики. Проследить основные моменты данных изменений можно, обратившись к публичным дебатам в сфере иммиграционного законодательства и к тексту принятого в начале 21 века Закона об иммиграции (2005 г.).

Однако в ходе дебатов не все позиции были до конца определены и не все аспекты разработаны в силу различных причин. Здесь, в частности, можно говорить о возникшей проблеме негативного влияния практики предоставления убежища на экономику страны, о существующих (и растущих) в обществе опасениях среди населения по поводу чрезмерной иммиграции, о политике безопасности в результате развития международного терроризма. Поэтому смена парадигмы в дебатах по немецкой иммиграции еще до сих пор не завершена. До сих пор до конца не

разработаны основополагающие принципы новой иммиграционной политики.

Миграция – это всегда процесс в течение длительного периода времени, начиная с подготовки до окончательного закрепления в стране пребывания. Смена места жительства является, так сказать, «видимым» признаком, но это ни в коем случае не является конечной точкой миграции [2]. Разрабатывая проблемы миграции, социальные науки дифференцируют мотивационное измерение (мотивы и стремления) и выделяют пространственное (географическое расстояние, чуждость культуры, язык, привычки и т.д.), временное (постоянное или временное) и социокультурное измерения (вся новая среда обитания). Первым этапом (фазой) длительного процесса миграции является формирование мотивов, которые являются результатом взаимодействия нескольких причин и могут быть обнаружены как на социально-структурном, так и на личностно-индивидуальном уровне [см.: 3, с. 8, 46].

Сама миграция осуществляется на втором этапе (вторая фаза миграции), когда происходит смена места жительства и мигранты сталкиваются с серьезными социальными изменениями, им приходится знакомиться с новыми социокультурными условиями принимающей страны в процессе долгосрочного обучения. Третий и последний этап (третья фаза миграции) – процесс «вхождения» – состоит из длительного и всеобъемлющего процесса интеграции мигрантов в принимающее общество. Этот процесс в первую очередь включает в себя изучение нового языка и новых способов мышления, повседневного поведения, а также согласование уже имеющегося с общепринятыми ценностями, нормами, привычками и ожиданиями. Вопрос о том, насколько всесторонним должно или обязано быть данное «вхождение», является спорным как в науке, так и в политике. Помимо готовности мигрантов социальная и общественная инте-

грация зависит во многом от желания принимающего общества гарантировать им необходимое социальное взаимодействие и участие.

Охарактеризованные выше особенности феномена миграции были учтены при дальнейшей разработке немецкого миграционного законодательства. В частности, принятый в Германии в начале 2020 г. так называемый Миграционный пакет включает в общей сложности девять законов и постановлений, которые касаются таких важных аспектов, как проблема занятости и обучения беженцев и лиц, ищущих убежища, проблема трудовой миграции, интеграция мигрантов. В данных нормативно-правовых актах уже находит более четкое отражение позиция признания Германии страной иммиграции не только де-факто, но и де-юре.

Таким образом, последовательный учет социально-структурных характеристик миграционного процесса в рамках разрабатываемого миграционного законодательства будет способствовать более эффективной политике в данной сфере.

Библиографический список

1. Statistisches Bundesamt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html
2. Шамне А.Н. Феномен «миграция» в правовом и этико-философском аспектах // Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера». – № 4, 2019. – С. 47–53.
3. Han P. Soziologie der Migration. Erklärungsmodelle – Fakten – Politische Konsequenzen – Perspektiven. – Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000.

© Шамне А. Н., 2020.

УДК 159.922.77

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ У ДОШКОЛЬНИКОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СПОСОБНОСТИ К ПОНИМАНИЮ И РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ

И. О. Карелина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-2452-0054,
e-mail: karelinainessa2017@gmail.com,
г. Рыбинск, Ярославская область, Россия*

THE DYNAMICS OF PRESCHOOLERS' EMOTIONAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT AS AN ABILITY TO UNDERSTAND AND REGULATE EMOTIONS

I. O. Karelina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
ORCID 0000-0003-2452-0054,
e-mail: karelinainessa2017@gmail.com,
Rybinsk, Yaroslavl region, Russia*

Abstract. The article is devoted to the problem of the emotional intelligence development in preschool children. The main studying problems of the emotional intelligence in preschoolers caused by the complexity of the interpretation of this psychological phenomenon and its double status in psychology are considered. The article analyzes modern scientific approaches to the definition of the concept of “emotional intelligence”, testifying to the convergence of emotional intelligence in the content aspect with a number of concepts that constitute the terminological research field on emotional development in preschoolers. The content characteristics of the emotional intelligence development as the ability to understand and regulate emotions at different stages of preschool childhood are presented.

Keywords: emotional intelligence; emotional competence; emotion understanding; emotion recognition; emotion regulation; preschool children.

В последнее десятилетие проблемы изучения структуры, возрастной специфики, подходов к диагностике и развитию эмоционального интеллекта дошкольников стали приоритетным направлением психологических и педагогических исследований в области дошкольного образования. И связано это не только с изменением нормативно-правовой базы и утверждением Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, который задал курс на охрану и укрепление психического здоровья детей, в том числе их эмоционального

благополучия, и развитие эмоционального интеллекта, но и с изменением социокультурной среды развития современных дошкольников, условием успешной социальной адаптации к которой является развитие личности, способной к пониманию собственных эмоций, эмоциональных состояний других людей и регуляции эмоций в различных социальных контекстах.

Не умаляя вклад современных психолого-педагогических исследований в обоснование актуальности развития эмоционального интеллекта ребенка на этапе дошкольного детства, в разработку моде-

лей и комплексов диагностических средств оценки различных компонентов эмоционального интеллекта, а также подходов к его развитию в дошкольной образовательной организации с позиций педагогической поддержки и сопровождения, обратим внимание на ряд существующих на данном этапе исследования эмоционального интеллекта ребенка-дошкольника проблем, обусловленных сложностью интерпретации этого психологического феномена и его двойным статусом в психологии.

С одной стороны, эмоциональный интеллект – это научный концепт, введенный в понятийный аппарат психологии эмоций П. Сэловеем и Дж. Мейером (P. Salovey & J. D. Mayer, 1990) для обозначения компонента социального интеллекта, сфокусированного в большей степени на эмоциональных явлениях и включающего способность контролировать собственные и чужие эмоции и чувства, различать их и использовать эту информацию для управления собственным мышлением и действиями. В ходе дальнейших исследований первоначально выделенный учеными набор ментальных процессов, связанных с переработкой эмоциональной информации, был расширен до 4-компонентной модели эмоционального интеллекта [20], где каждый компонент представляет собой определенный тип способностей: восприятие, оценка и выражение эмоций; использование эмоций для усиления мышления; понимание и анализ эмоциональной информации; регуляция эмоций.

В психологии эмоций наряду с моделями способностей (P. Salovey & J. D. Mayer, 1997) существуют смешанные или интегративные модели (R. Bar-On, 1997; M. Mikolajczak et al., 2009; M. Zeidner, G. Matthews, R. Roberts et al., 2003), где эмоциональный интеллект рассматривается как совокупность когнитивных, личностных, эмоциональных и социальных компетенций и навыков, которые влияют на способность человека успешно

справляться с требованиями и воздействием окружающей среды.

С этих позиций в структуре эмоционального интеллекта выделяются внутриличностные (эмоциональное осознание себя, уверенность, самоуважение, самоактуализация, независимость) и межличностные компоненты (эмпатия, межличностные взаимоотношения, социальная ответственность), регуляция стресса, адаптивность и общее настроение (R. Bar-On, 1997); уровни эмоционального интеллекта: уровень знаний, отражающий осведомленность об эмоциях и эмоциональные компетенции людей; уровень способности, относящийся к возможности применять эти знания в эмоциональной ситуации; уровень характерных черт, отражающий эмоционально обусловленные склонности (M. Mikolajczak et al., 2009).

Не останавливаясь подробно на анализе различных моделей эмоционального интеллекта и разделяя позицию Д. В. Люсина [10] о возможности исключения из данного конструкта личностных черт, мы считаем наиболее обоснованной интерпретацию эмоционального интеллекта как *когнитивной способности к пониманию собственных и чужих эмоций и управлению ими*, где способность к пониманию эмоций означает возможности распознавания, идентификации, вербализации и понимания причин возникновения и последствий собственного эмоционального состояния или переживания другого человека, а способность к управлению эмоциями означает возможности контролировать интенсивность, внешнее выражение эмоций и вызывать при необходимости определенную эмоцию.

Несмотря на то, что способности к пониманию эмоций и управлению ими тесно взаимосвязаны с направленностью личности на эмоциональную сферу, с ценностями, приписываемыми эмоциональным переживаниям, с особенностями эмоциональности, тем не менее эти личностные черты, по мнению Д. В. Люсина, выступают в качестве коррелятов эмоциональ-

ного интеллекта и не включаются в его модель.

Возвращаясь к проблеме двойного статуса эмоционального интеллекта, следует констатировать, что это не только научный, но и медийный концепт, начало активной популяризации которого связано с выходом бестселлера Д. Гоулмана (D. Goleman, 1995), где эмоциональный интеллект позиционировался как гарант успеха в разных сферах деятельности, а его модель была существенно расширена за счет включения социальных навыков (убеждение, коммуникация, разрешение конфликтов, лидерство, катализация изменений, создание связей, сотрудничество и кооперация, способность работать в команде) и расширения диапазона личностных характеристик: самосознания (эмоциональное понимание себя, адекватная самооценка, уверенность в себе), саморегуляции (самоконтроль, надежность, добросовестность, приспособляемость, открытость новому), мотивации (мотив достижения, обязательность, инициатива, оптимизм) и эмпатии (понимание и развитие других, ориентация на обслуживание, использование разнообразия, политическое чутье).

Проведенный нами анализ содержания современных зарубежных и отечественных практических руководств по развитию эмоционального интеллекта дошкольников [1; 2; 11; 13; 14; 16] позволил прийти к выводу, что направления практической работы с детьми выстроены на основе популярной интерпретации эмоционального интеллекта Д. Гоулмана [17], в структуру которого включено максимальное количество значимых для социальной адаптации навыков, выходящих за рамки эмоционального интеллекта (эмпатия, навыки социального и безопасного поведения, продуктивной коммуникации и т. п.). Эмоциональный интеллект позиционируется как ключевое условие лидерства, успеха в учебе и уверенности ребен-

ка в себе, как фундамент безопасного и цивилизованного общества.

Принимая во внимание, что обогащение опыта распознавания детьми эмоций происходит на примере схематических и утрированных изображений лицевой экспрессии, анималистических образов, таких как медвежонок Келли (Leah Davies «Kelly Bear Feelings Book») или хамелеон Игнат, меняющий цвет в зависимости от разных эмоций, а также посредством фантастических персонажей с различными эмоциональными выражениями – монсиков, зверька Ромми, крылатого слоника Малыша Элона с планеты Эмоций и т. п., – следует весьма сдержанно относиться к сильным заявлениям авторов об успешном развитии у дошкольников распознавания и понимания эмоций других людей в процессе выполнения рекомендуемых игровых, практических и творческих заданий.

Для отечественной детской психологии понятие эмоционального интеллекта является относительно новым, поэтому современные научные подходы к конструированию модели эмоционального интеллекта дошкольников строятся на разных теоретических основаниях, отличаются в плане интерпретации сущности данного психологического феномена и количества выделяемых в его структуре компонентов.

Анализ научных работ [5–9; 12; 15], выполненных в контексте вышеуказанной проблематики, позволяет сделать вывод о неоднородности содержательного наполнения понятия «эмоциональный интеллект». И здесь можно обозначить ряд направлений, свидетельствующих о сближении обсуждаемого психологического феномена в содержательном плане с целым рядом понятий, составляющих терминологическое поле исследований эмоционального развития дошкольников как сложного комплексного закономерного процесса усложнения и обогащения эмо-

циональной сферы в контексте общей социализации ребенка:

– *изучение процессов кодирования – распознавания детьми экспрессивного поведения как различных аспектов становления эмоционального интеллекта в сфере общения со взрослыми и сверстниками* (В. А. Лабунская, 2014);

– *интерпретация эмоционального интеллекта как социальной и эмоциональной ориентации ребенка на другого человека, отождествление эмоционального интеллекта со сферой социальных эмоций и чувств* (М. А. Нгуен, 2008; О. С. Паксюткина, М. А. Кечина, 2019; А. П. Сухоносков, Н. Д. Палазюк, 2016);

– *выделение эмпатии – способности эмоционально отзываться на переживания другого – как ключевой характеристики эмоционального интеллекта дошкольников и средства профилактики агрессивных проявлений в детском возрасте* (А. П. Аникина, М. С. Барабанова, 2020; Н. С. Ежкова, Л. Н. Скворцова, 2017; С. И. Семенака, 2013);

– *включение в структуру эмоционального интеллекта навыков эмоциональной компетентности – распознавания, выражения эмоций (в том числе эмпатической вовлеченности в эмоциональные состояния других) и контроля эмоций* (Ю. А. Афонькина, 2014; Ю. В. Братчикова, Н. С. Волошина, 2019; А. О. Куракина, 2013; Ю. А. Лаптева, Ю. А. Фунтикова, 2018; Л. Ю. Шавшаева, 2016). К данному направлению можно отнести одно из последних психологических исследований (О. А. Токарева и др., 2020), где представлена модель эмоционального интеллекта дошкольников, включающая эмоциональный праксис (способы выражения эмоций в мимике, пантомимике и просодике), перцептивный (распознавание базовых эмоций), языковой (освоение языка эмоций), смысловой (понимание содержательных сторон эмоций) и регулятивный (способность к элементарной регуляции эмоций) компоненты;

– *выделение в качестве базовых параметров эмоционального интеллекта дошкольника показателей его социальной компетентности, где первый параметр – понимание эмоций других людей – соотносится по показателям с когнитивным («социальная интуиция») и эмоциональным («сопереживание», «степень склонности к психическому заражению и собственные суггестивные возможности») блоками социальной компетентности; второй параметр – выражение эмоций – соответствует эмоциональному блоку социальной компетентности («социальная выразительность»); третий параметр – управление собственными эмоциями и поведением – соотносится по набору показателей с эмоциональным («способность к саморегуляции») и поведенческим («способность эффективно работать в условиях стресса») блоками социальной компетентности* (Т. Д. Савенкова, 2017);

– *оценка уровня развития эмоционального интеллекта на основе системы показателей нормативного хода эмоционального развития детей, к числу которых относятся ситуативные и внеситуативные особенности эмоциональной регуляции, наличие и особенности функционирования эмоциональных механизмов (эмоциональная децентрация), сформированность компонентов процесса опознавания и произвольного выражения эмоций* (И. В. Фаустова, 2019);

– *изучение эмоционального интеллекта – восприятия эмоциональной информации, ее анализа и оперирования ей – в контексте становления модели психического* (М. Н. Мартыненко, 2016).

Таким образом, в современных научных публикациях, посвященных исследованию различных аспектов эмоционального интеллекта дошкольников, понятие «эмоциональный интеллект» в содержательном плане сближается с понятиями эмоционально-экспрессивного и эмоционального развития, социальной и эмоциональной ориентации, социальной и эмоциональной компетентности, а также эм-

патии, выходящей за рамки эмоционального интеллекта как модели способностей (M. Zeidner et al., 2003); характерно синонимичное употребление понятий «эмоциональный интеллект» и «эмоциональная сфера».

С одной стороны, как мы уже отмечали, эти научные понятия взаимосвязаны и составляют терминологическое поле исследований эмоционального развития ребенка. С другой стороны, *принципиальное отличие эмоционального интеллекта состоит в том, что этот конструкт представляет собой когнитивную способность к обработке эмоциональной информации*. С этой позиции следует отметить эмпирическое исследование (М. Н. Мартыненко, 2016), где реализуется подход к изучению эмоционального интеллекта в сознании индивида в контексте становления модели психического.

Обратим внимание, что в современной зарубежной детской психологии, в связи с ограниченностью использования существующих концептуальных моделей эмоционального интеллекта для изучения эмоционального развития детей, ограничивается применение данного понятия и чаще употребляется понятие «эмоциональная компетентность» [18], основные компоненты которой – выражение, понимание и регуляция эмоций – частично совпадают с группой ментальных способностей, составляющих модель эмоционального интеллекта.

И тем не менее основные области эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста [19] дифференцируются достаточно четко на *эмоциональную осведомленность* – способности, относящиеся к получению эмоциональной информации (осведомленность об эмоциях, наименование и распознавание эмоций), и *регуляцию эмоций* – способности, касающиеся стратегий или действий, предпринимаемых в ответ на информацию об эмоциях (способности к управлению эмоциональными состояниями и использованию стра-

тегий регуляции эмоций для изменения их интенсивности и валентности).

Как видим, такое представление о структуре эмоционального интеллекта дошкольников в полной мере соответствует двухкомпонентной модели эмоционального интеллекта Д. В. Люсина. Все вышеизложенное дает нам основание рассматривать *эмоциональный интеллект как способность к пониманию и регуляции детьми эмоций*.

Прежде чем перейти к выделению содержательных характеристик эмоционального интеллекта детей, считаем необходимым прокомментировать собственную позицию по отношению к эмпирическому исследованию [6], где изучение эмоционального интеллекта дошкольников базируется на концептуальной модели Д. В. Люсина. С нашей точки зрения, выделенные авторами показатели и характеристики эмоционального интеллекта старших дошкольников: понимание эмоций и причин их возникновения, воспроизведение эмоций, контроль внешних проявлений эмоций, наличие и проявление интереса к эмоциональному состоянию другого (доминирующий тип эмпатии) – в большей степени позволяют составить представление об эмоциональной компетентности дошкольника, чем о его эмоциональном интеллекте.

Далее раскроем динамику развития у дошкольников понимания и регуляции эмоций как компонентов эмоционального интеллекта, опираясь на широкий круг отечественных и зарубежных психологических исследований (М. Н. Андерсон, 2013; Е. М. Листик, 2003; О. А. Прусакова, 2005; А. М. Щетинина, 1984; J. Bisson, 2018; A. N. Blankson et al., 2013; S. L. Bosacki, C. Moore, 2004; E. L. Davis et al., 2010; S. A. Denham, 2007; S. A. Denham, E. A. Couchoud, 1990; T. A. Dennis & D. A. Kelemen, 2009; P. L. Harris, 2008; F. Pons et al., 2004; C. Saarni et al., 2006; N. Visser, 2006 et al.),

в том числе на данные эмпирических исследований автора [3; 4].

Поясним, что содержательные характеристики *понимания эмоций* – способности распознавать и словесно обозначать эмоции, связывать их с ситуациями и понимать причины их возникновения – представлены в соответствии с уровневой моделью понимания эмоций (F. Pons et al., 2004). При рассмотрении *регуляции эмоций* как совокупности процессов, посредством которых индивидуумы влияют на продолжительность, переживание и выражение эмоций (J. J. Gross, 2008), акцентируется внимание на использовании детьми стратегий регуляции эмоций.

Развитие понимания эмоций на разных этапах дошкольного детства.

Распознавание лицевой экспрессии.

Дети 3–4 лет способны распознать по схематичным выражениям лица, фотографиям и репродукциям картин, изображающих людей с разными эмоциональными выражениями, эмоции радости, гнева, печали и страха (в порядке убывания по степени точности идентификации) и успешнее дифференцировать выражение радости от внешнего выражения эмоций отрицательной модальности, при опознании которых допускаются ошибки и используется общее определение «плохой». Это связано с нечетким характером представлений детей об отрицательных эмоциях и необходимостью учета при их опознании экспрессивных изменений во всех зонах лица, а не только в нижней части.

Младшим дошкольникам легче понять эмоции персонажей по мимике, чем по пантомимике или характеру их взаимоотношений: при опознании графических изображений эмоций радости и грусти дети 4 лет ориентируются на мимические изменения в нижней части лица, при опознании эмоций страха и гнева – на характерные мимические изменения в области бровей и лба. Дети этого возраста способны понять базовые эмоции по совокупности мимических и речевых средств экспрессии, однако в целом восприятие эмо-

ций носит поверхностный характер, а графическое изображение страха понимается только в контексте ситуации.

Дети 3–4 лет чаще обозначают эмоции глаголами и используют кроме самих понятий эмоций их эквиваленты: «веселится», «радуется», «смеётся», «плачет», «обидели», «сердится».

В отличие от младших дошкольников, дети среднего дошкольного возраста с большей точностью распознают по лицевой экспрессии эмоции гнева, печали и страха, хотя и допускают в ряде случаев ошибки опознания, смешивая внешнее выражение страха с гневом. К 5 годам в связи с повышением внимания детей к области бровей, значимой для опознания выражения гнева, возрастает количество дошкольников, способных точно идентифицировать отрицательные эмоции по схематическим изображениям лица, однако процесс опознания эмоций отрицательной модальности по фотографиям лиц людей представляет для детей сложность в силу меньшей степени обобщенности экспрессивных признаков эмоций и сопровождается ошибками опознания (отождествление страха с гневом, печали с гневом, гнева с радостью).

Доминирующими типами восприятия детьми 4–5 лет эмоционального состояния изображенного человека являются диффузно-аморфный (радость, грусть), диффузно-локальный (гнев) и довербальный (страх, удивление). Наряду с базовыми эмоциями, большинство 5-летних детей способны понять по лицевой экспрессии нейтральное эмоциональное состояние. Возрастную норму для детей среднего дошкольного возраста составляет успешное опознание и выделение характерных мимических признаков 3–4 базовых эмоций при преимущественном внимании к изменениям экспрессии в области глаз.

Дети 4–5 лет используют прилагательные, выражающие эмоции понятийно: «веселая», «радостная», «грустная», «злая», «удивительная»; отрицательные эмоции чаще обозначаются глаголами:

«грустит», «печалится», «плачет», «сердится», «злится», «боится», «испугалась».

В старшем дошкольном возрасте существенно увеличивается количество детей с высоким уровнем распознавания схематичных изображений базовых эмоций и диапазон понимаемых детьми эмоций по лицевой экспрессии, за исключением эмоций удивления, отвращения и презрения, процесс опознавания которых сопровождается ошибками сходства, отождествлением мимических проявлений презрения с радостью, отвращения с гневом, удивления со страхом. Кроме базовых эмоций и нейтрального эмоционального состояния, дети 5–7 лет способны понять по экспрессивным схемам лица такие сложные эмоции, как гордость, недовольство, отвращение и презрение (более трети детей), и сконструировать с различной степенью точности эталоны лицевой экспрессии радости, печали, спокойного состояния, гнева и страха. Также как и детям 4–5 лет, старшим дошкольникам легче понять базовые эмоции по схематическим изображениям, чем по фотографиям лиц людей.

Ведущими типами восприятия детьми 6–7 лет эмоционального состояния изображенного человека являются аналитический, синтетический и аналитико-синтетический (радость, грусть, гнев); опознавание страха и удивления по-прежнему осуществляется по довербальному типу. Возрастной норме понимания эмоций по лицевой экспрессии детьми старшего дошкольного возраста соответствует опознавание 4 основных (радость, печаль, гнев, страх) и 2 дополнительных модальностей (отвращение, презрение – с содержательной помощью) по схеме лица и 4–6 эмоций – по фотографиям лиц людей.

Дошкольники 5–7 лет точно обозначают эмоциональные состояния прилагательными «веселая», «радостная», «довольная», «грустная», «печальная», «несчастливая», «злая», «сердитая», «удивительная»; сохраняется тенденция к обо-

значению грусти и страха глаголами «грустит» и «боится».

Понимание ситуативных причин возникновения эмоций и влияния напоминания о событии как активатора эмоций.

К 4 годам дошкольники хорошо дифференцируют ситуативные причины возникновения базовых эмоций, за исключением ситуаций, вызывающих страх: они способны понять, что получение желаемого вызывает радость, потеря – печаль, препятствие на пути достижения цели – гнев, угроза – страх; могут выделить социальные причины возникновения эмоций (радость – «хвалят», «поздравляют», печаль – «обидели») и понять возможность контрастных вариантов реагирования людей в эмоционально неоднозначных ситуациях, таких как приход в детский сад, который может вызвать радость или грусть. На 4-м году жизни в ходе разговоров родителей с детьми об эмоциях происходит постепенное развитие понимания детьми возможности возникновения эмоции под влиянием напоминаний о прошлых ситуациях, например, понимание того, что напоминание об утрате может вызвать грусть.

Дети 4–5 лет понимают ситуативный контекст возникновения эмоциональных состояний (радость, грусть, гнев, страх и удивление) и шире опираются на собственный опыт распознавания эмоций в различных ситуациях взаимодействия, где радость связана с одариванием, печаль – с обидой, гнев – с наказанием, страх – с внезапным появлением кого-либо.

Дошкольники 5–7 лет не испытывают затруднений в понимании базовых эмоций и нейтрального состояния по ситуациям, а также в понимании роли напоминаний об эмоциях в возникновении актуального эмоционального состояния человека. Они могут высказать предположения о причинах возникновения эмоций («...наверное, она не хочет есть кашу, потому что она ее не любит, ей неприятно», «...наверное, ей грустно, потому что никто не приходит» и

т. п.); учатся интерпретировать эмоции в зависимости от статуса целей человека, прогнозируя возникновение у героя гнева или печали в зависимости от его возможности или невозможности восстановить собственные цели. Особенно ярко понимание ситуативных причин возникновения различных эмоций (радость, печаль, страх, злость, удивление, самодовольство) обнаруживается в ходе беседы с детьми о героях мультфильмов и сказок.

Понимание роли желаний и убеждений в возникновении эмоций, различий переживаемой эмоции и ее внешнего выражения.

На 4-м году жизни, в связи с формированием отдельных аспектов модели психического, дети начинают осознавать зависимость характера возникающей эмоции от степени удовлетворения желаний человека и его убеждений (ложных или истинных), однако понимание обусловленности эмоциональной реакции на ситуацию желаниями и убеждениями, также как и осознание различия внутреннего переживания от его внешнего выражения (на примере ситуации, где мальчика дразнит сверстник, а он в ответ улыбается, пытаясь скрыть гнев), в этом возрасте весьма ограничено.

В 5-летнем возрасте половина детей могут осознать, что переживание мальчиками в одной и той же ситуации радости или грусти зависит от наличия у них противоположных желаний, обуславливающих характер эмоционального реагирования, а также понять несоответствие между внешним выражением эмоции и ее переживанием. Осознать связь между убеждениями и эмоциями и понять, что персонаж радуется, так как не знает о грозящей ему опасности, способны более трети детей 5 лет.

Дети 7 лет, наряду с пониманием зависимости эмоциональных реакций людей от их желаний, осознают обусловленность реакции на ситуацию ложными убеждениями. К концу дошкольного детства происходят существенные изменения не только в понимании детьми несоответ-

ствия собственного или чужого внутреннего состояния и экспрессивного поведения, но и в понимании мотивов маскировки людьми эмоций, таких как избегание негативных последствий и стремление к позитивным ситуативным последствиям, защита собственного достоинства, поддержание или улучшение межличностных отношений, соблюдение принятых норм и правил культурного отображения эмоций.

Понимание регуляции эмоций.

Младшие дошкольники имеют представления о функциональной связи между отрицательными эмоциями и стратегиями их регуляции, такими как поведенческое отвлечение, отвлечение от эмоционально напряженной ситуации на физическом уровне, вентиляция, поиск социальной поддержки для улучшения самочувствия, но еще не способны понять эффективность когнитивной регуляции отрицательных эмоций посредством переключения внимания на приятные мысли. Дети 3–4 лет демонстрируют осведомленность об эффективных способах снижения гнева посредством изменения негативной ситуации, преодоления печали и страха посредством переключения на другую деятельность, однако гораздо чаще при оценке продемонстрированных персонажами стратегий регулирования эмоций отдают предпочтение неэффективным стратегиям – руминации («застревание» на негативных переживаниях) и вентиляции (непосредственное выражение отрицательных эмоций).

К 5 годам дети начинают понимать возможность регуляции отрицательных эмоций посредством когнитивного отвлечения («подумать о чем-то, чтобы перестать чувствовать грусть»), однако в целом в период с 3 до 5 лет эмоции рассматриваются детьми вне когнитивного контроля.

В возрасте 5–7 лет дети, наряду с осведомленностью о стратегиях поведенческой регуляции отрицательных эмоций, осознают возможность метакогнитивной регуляции – возможность изменения эмоционального состояния человека в резуль-

тате изменения его целей (умение находить приятное в негативном исходе ситуации или другой удовлетворяющий человека выход, отказ от первоначально желанного результата) и мыслей (забывание, изменение психического состояния посредством сна или мечтаний, положительная переоценка). К концу дошкольного детства дети становятся способны дифференцировать стратегии регуляции отрицательных эмоций на социально эффективные (поиск поддержки как наилучшая стратегия регуляции грусти и страха, дистанцирование как способ регуляции обиды, стратегия решения проблем как средство преодоления эмоций стыда, гнева и страха) и неэффективные (агрессивные экстернализированные копинг-реакции).

Понимание смешанных или амбивалентных эмоций.

Детям 3–5 лет сложно понять амбивалентные эмоции, например, одновременность переживания радости и страха, и сложно проанализировать противоречивую информацию об эмоциях, когда внешнее выражение эмоции и ситуация ее возникновения представлены в конфликтной форме. Младшие дошкольники склонны опираться либо на экспрессию, либо на ситуативный контекст, тогда как дети 5-го года жизни предпринимают попытки учесть оба источника информации и объяснить несоответствие посредством снятия противоречия, но только в тех случаях, когда мимика персонажа или ситуация соответствуют переживанию радости. 5-летние дети применяют стратегию снятия противоречия во всех случаях, анализируя и ситуацию, и лицевую экспрессию персонажа.

В старшем дошкольном возрасте происходят изменения в понимании амбивалентности экспрессивного и каузального компонентов эмоций, что выражается в использовании детьми своеобразной формулы «должно быть» («Он должен бояться и убежать, а у него лицо злое»). Не-

смотря на то, что полное понимание амбивалентности эмоций достигается только к 10–11 годам, к 7 годам дети начинают осознавать способность человека воспринимать ситуацию с разных позиций и испытывать амбивалентные чувства, возникающие последовательно («Сначала обрадовался, потом обиделся») или одновременно по отношению к разным объектам («Он огорчен, что разбил коленку, а радуется, что велосипед не сломался»).

Понимание социальных эмоций.

Осознание взаимосвязи между размышлениями человека о социальной приемлемости его действий и возникающими у него эмоциями, лежащее в основе понимания социальных эмоций, в дошкольном детстве происходит довольно медленно и представляет особую трудность для детей 3–4 лет, которые понимают гораздо лучше базовые эмоции, чем социальные. Они способны понять переживание обиды в ситуации, когда ребенка не приняли в игру, но понимание сочувствия, сорадования, вины, гордости и смущения, несмотря на наличие ситуативного контекста, вызывает у детей затруднения.

В 5-летнем возрасте только пятая часть дошкольников в состоянии оценить эмоциональное отношение персонажа к своему проступку и понять, что он расстроен из-за того, что не смог в нем признаться.

Осознание способности человека оценивать собственные поступки с точки зрения их соответствия нравственным нормам является сложным и для старших дошкольников: в ситуациях успеха, неудачи или нарушения они не всегда ссылаются на эмоции гордости, вины или стыда, чаще сообщая о переживании базовых эмоций. Даже к концу дошкольного детства понять социальные эмоции способны только треть детей.

Понимание собственных эмоций.

Как известно, осмысленная ориентировка в собственных переживаниях и соответствующая структура переживаний

возникают только к 7 годам (Л. С. Выготский), однако уже в младшем дошкольном возрасте примерно 2/3 детей способны понять причины возникновения собственных эмоциональных состояний удовольствия – неудовольствия, радости, грусти, злости и страха, интерпретируя их с точки зрения направленности на что-то или на кого-то, и частично определить последствия эмоционального реагирования. Дети 3–4 лет могут составить элементарные рассказы о собственных эмоциях и дифференцировать причины их возникновения, связанные с социальными контактами (общение с мамой, одобрение, одаривание, принятие или отвержение ребенка сверстниками, совместная игровая деятельность, проявления симпатии или агрессии со стороны других детей), вкусовыми предпочтениями, погодными условиями и собственными действиями.

Несмотря на разнообразие выделенных детьми источников страхов (природные явления, разлука, агрессия со стороны, одиночество, темнота и др.), некоторые мальчики 3–4 лет, в связи с усвоением гендерных стереотипов выражения эмоций, утверждают, что ничего не боятся. К 4 годам дошкольники также усваивают социальный запрет на выражение гнева, поэтому треть из них отрицают факт переживания злости.

В силу ситуативной зависимости модели психического характерной особенностью понимания собственных эмоций детьми 5-го года жизни является жесткое закрепление причин возникновения эмоций за стандартными для каждой эмоции явлениями, предметами и ситуациями. К 5 годам жесткая привязка символов к определенным эмоциям теряется: дошкольники стремятся изобразить адекватную лицевую экспрессию и ситуацию, проанализировать причины возникновения эмоций, отражающие разные ситуации взаимодействия со взрослыми и сверстниками, в том числе факты нарушения самим ребенком или другими людьми правил поведения и моральных норм; соотнести переживания

с различными ситуациями из произведений детской художественной литературы, мультфильмов, кинофильмов и описать содержание переживаний («Удивляюсь? Вот папа когда давно-давно привёз мне куклу, а она на табуретке сидела. О-о-о! Я чуть не упала в обморок!»).

Старшие дошкольники понимают, что эмоция – это внутреннее состояние человека, могут осознать связи между эмоциями, вызвавшими их социальными факторами (позитивные контакты со взрослыми и сверстниками, отсутствие социальных контактов или неудовлетворенность их содержанием, агрессия со стороны, наказание и др.) и действиями, к которым побуждают эмоции. Ситуации и объекты, вызывающие чувство страха, отражают возрастные страхи детей 5–7 лет: боязнь страшных сновидений, животных, нападения, темноты. Основное изменение в понимании собственных эмоций детьми этого возраста состоит в осознании эмоций через призму собственных действий и переживаний («Мне грустно, когда я скучаю, когда нужно делать задание, которое я уже делал. Это совсем не интересно, поэтому я начинаю грустить...»).

Таким образом, в период дошкольного детства развитие понимания детьми эмоций других людей по лицевой экспрессии и ситуациям их возникновения осуществляется во взаимосвязи с повышением степени осознания собственных эмоциональных состояний. К 7 годам эмоциональное состояние человека становится для детей значимым объектом познания: они осознают обусловленность эмоций желаниями и убеждениями, понимают различия реальных и видимых эмоций, приобретают осведомленность о социально желательных стратегиях регуляции эмоций, однако понимание амбивалентных и социальных эмоций ограничено и развивается уже за пределами дошкольного детства.

Развитие у дошкольников способности регулировать эмоции.

Формирование в дошкольном возрасте способности регулировать эмоции заключается в приобретении детьми навыка контроля и освоении правил выражения эмоций (симуляция, подавление, маскировка), развитии осведомленности о стратегиях регуляции эмоций и приобретении опыта их применения. С этой позиции речь идет не только о развитии у ребенка функции контроля за выражением эмоций, представлений о социально-культурных нормах выражения и стратегиях регуляции эмоций, но и о формировании *произвольности эмоциональных процессов* – способности подчинять собственные непосредственные желания сознательно принятым намерениям (Л. И. Божович, Г. М. Бреслав, А. В. Запорожец, Я. З. Неверович и др.). Это эмоциональное новообразование возникает в конце дошкольного детства на уровне регуляции поведения и является результатом всего хода психического развития ребенка.

Особенности регуляции собственных эмоций детьми 3–5 лет.

В первой половине дошкольного детства, несмотря на понимание причин возникновения собственных эмоциональных состояний и наличие представлений о функциональной связи между отрицательными эмоциями и стратегиями их регуляции, дети испытывают трудности в регуляции эмоций и отделении чувств от действий в силу тесной связи эмоций с происходящими в данный момент событиями, что приводит к непосредственному выражению эмоциональных переживаний.

В период с 3 до 5 лет дети приобретают опыт использования когнитивных копинг-стратегий, таких как намеренное переключение внимания, и овладевают средствами поведенческого копинга при условии содержательной помощи родителей. Со временем дошкольники начинают видеть связь между попытками регуляции

эмоций и изменениями в их эмоциональном состоянии и становятся более гибкими в самостоятельном выборе стратегий управления эмоциями, таких как: *модуляция эмоционального переживания* через самоуспокоение и изменение выражения дискретной эмоции; *модификация ситуации* (избегание ситуации или попытка ее изменить для предотвращения чрезмерного возбуждения); *когнитивная регуляция эмоций* (когнитивная переработка негативных переживаний); *перцептивная регуляция переживания* посредством *перориентации внимания*; *дистанцирование* (отделение от проблемы); *решение проблемы* (например, умение найти компромисс); *поиск поддержки* со стороны взрослых; *вентиляция* (снижение эмоционального напряжения путем высвобождения негативных эмоций).

К 4 годам общая регуляция эмоций в эмоционально напряженных ситуациях возрастает, а частота использования вербальной и физической фрустрации снижается. Сталкиваясь с ситуациями, которые блокируют цель достижения желаемого объекта и содержат различные требования (например, требование подождать, пока мама закончит работать с документами, прежде чем открыть привлекательно завернутый подарок, или самостоятельно достать игрушку из запертой коробки неподходящим к замку ключом), дети 4-го и 5-го года жизни используют *адаптивные действия совладания с эмоциональными проблемами*: поведенческое отвлечение, отвлечение внимания, решение проблемы разными способами.

В целом в период с 3 до 5 лет детям легче составить «концепцию действия» как способа регуляции эмоций, чем «концепцию мышления».

Особенности регуляции собственных эмоций детьми 5–7 лет.

Рост возможностей регуляции детьми собственных эмоций в старшем дошкольном возрасте связан с развитием способности отделять собственные эмоции и

действия и использовать слова для выражения негативных эмоциональных состояний в социально приемлемой форме.

Дети 5–6 лет, наряду с поведенческими стратегиями, такими как выбор и модификация ситуации, переключение внимания, модуляция эмоциональной реакции посредством подавления, физических упражнений и релаксации, осведомлены о стратегиях метакогнитивной регуляции эмоций, в основе которых лежит осознание взаимосвязи целей, мыслей и эмоций. Старшие дошкольники имеют опыт применения следующих стратегий регуляции отрицательных эмоций в зависимости от их модальности: достижение первоначальной цели или ее замена, поиск социальной поддержки, метакогнитивная (изменение мыслей) и агент-ориентированная (стремление отомстить обидчику) стратегии регуляции гнева; метакогнитивные стратегии изменения мыслей и целей, замена цели, социальная и эмоциональная поддержка для ослабления печали; стратегии изменения мыслей, поиска эмоциональной и социальной поддержки для повышения уверенности и преодоления страха.

Дети 5–7 лет, осведомленные о стратегиях регуляции отрицательных эмоций, лучше контролируют эмоции грусти, злости и страха в условиях социального взаимодействия и индивидуальной деятельности:

– старшие дошкольники с низким уровнем регуляции эмоций, который характеризуется отсутствием контроля за эмоциональными и поведенческими проявлениями, наличием неадекватных эмоциональных реакций по силе, реагируют в соответствии с непосредственными эмоциональными побуждениями, используя стратегию *вентиляции* отрицательных эмоций, предпринимают попытки *переключения внимания* и, реже, *подавления* эмоций или *поиска эмоциональной поддержки*;

– дошкольники с соответствующим возрастной норме уровнем регуляции эмоций используют не только пове-

денческие стратегии регуляции отрицательных эмоций, но и имеют опыт применения стратегии *поиска эмоциональной поддержки* и *метакогнитивной стратегии изменения цели* для ослабления грусти («Я придумываю себе игру или какое-нибудь занятие, и становится повеселей»);

– старшие дошкольники с выраженным контролем за эмоциональными проявлениями в различных социальных контекстах и индивидуальной деятельности, несмотря на стремление непосредственно выразить негативные эмоции (преимущественно при переживании грусти), активно используют *метакогнитивные стратегии* изменения целей и мыслей для регуляции эмоций грусти и страха («Я думаю о хороших зайчиках... и поэтому мне не так сильно страшно»), *стратегии модуляции эмоциональной реакции* («Я делаю вдох – и потом у меня всё получается»), *переключения* на другую деятельность, *выбора эмоциональной ситуации* и *поиска эмоциональной поддержки*.

Таким образом, в период дошкольного детства увеличиваются степень осознания детьми возможности модификации собственных эмоций и диапазон применяемых стратегий их регуляции. Дошкольники учатся сохранять или усиливать актуальные полезные эмоции, ослаблять уместные, но не полезные эмоции, гасить неуместные эмоции с целью формирования позитивных отношений с другими людьми.

Представленные содержательные характеристики эмоционального интеллекта детей, отражающие возрастные особенности развития способности к пониманию и регуляции эмоций, имеют практическую значимость, во-первых, для понимания педагогами дошкольных образовательных организаций специфики обработки детьми эмоциональной информации на разных возрастных этапах, обуславливающей особенности восприятия ими своего социального окружения и эмоционального реагирования в различных социальных кон-

текстах; во-вторых, для оказания дошкольникам своевременной педагогической помощи в понимании эмоций по экспрессивным и каузальным атрибутам, в осознании и регуляции собственных эмоций для предупреждения возникновения у детей поведенческих трудностей и трудностей в установлении эффективных межличностных отношений в процессе адаптации к школьному обучению.

Библиографический список

1. Галецкая О. В., Азарина Т. Ю. Развиваем эмоциональный интеллект : для детей 5–6 лет. – М. : Эксмо, 2020. – 72 с.
2. Ермишина Н. П. Ромми и его друзья. Познаем мир, развиваем эмоциональный интеллект. – ИП Ермишина Наталья Павловна, 2020. – 72 с.
3. Карелина И. О. Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс : монография. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 178 с.
4. Карелина И. О. Эмоциональная сфера ребенка как объект психологических исследований : избранные научные статьи. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 157 с.
5. Лабунская В. А. Кодирование дошкольниками экспрессии состояний и влияние опыта общения на распознавание гендерно-возрастных моделей лицевых выражений эмоций // Лицо человека в науке, искусстве и практике / отв. ред. К. И. Ананьева и др. – М. : Когито-Центр, 2014. – С. 601–618.
6. Лаптева Ю. А., Фунтикова Ю. А. К вопросу о показателях и содержательных характеристиках эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста // Современные исследования : материалы Международной (заоч.) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. И. Вострцова. – Нефтекамск, 2018. – С. 343–350.
7. Нгуен М. А. Психологические особенности формирования эмоционального интеллекта старших дошкольников : на примере российских и вьетнамских детей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Тамбов, 2008. – 24 с.
8. Савенкова Т. Д. Методика диагностики базовых параметров эмоционального интеллекта дошкольника // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. – 2017. – № 3 (41). – С. 47–53.
9. Семенака С. И. Развитие эмпатийных проявлений у детей как условие формирования эмоционального интеллекта // Начальная школа плюс До и После. – 2013. – № 6. – С. 34–39.
10. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д. В. Люпина, Д. В. Ушакова. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 351 с.
11. Спилман К. Когда я боюсь. Сказки для эмоционального интеллекта. – СПб. : Питер, 2020. – 24 с.
12. Токарева О. А., Серый А. В., Яницкий М. С. Диагностика эмоционального интеллекта детей 5–7 лет с использованием компьютерной программы «EQ. Дети» // Сибирский психологический журнал. – 2020. – № 77. – С. 153–175.
13. Трясорукова Т. П. Эмоциональный интеллект. Развитие базовых эмоций : рабочая тетрадь. – Ростов н/Д : Феникс, 2020. – 32 с.
14. Ульева Е. Как подружиться с эмоциями? Развиваем эмоциональный интеллект. – М. : Клевер-Медиа-Групп, 2019. – 40 с.
15. Фаустова И. В. Особенности эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 4 (138). – С. 66–70.
16. Шиманская В. А., Огородник О. Я. Монсики и краски Эмоций. Пособие для детей 5–7 лет. – М. : Просвещение, 2018. – 16 с.
17. Davies L. Emotional Intelligence: An Essential Component of Education. 10/2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kellybear.com/TeacherArticles/TeacherTip3.html> (дата обращения: 25.10.20).
18. Denham S. A. et al. Emotional intelligence in the first five years of life // Encyclopedia on Early Childhood Development [online] / eds. R. E. Tremblay et al. – Montreal, Quebec. – 2011: 1–7. URL: <http://www.childencyclopedia.com/documents/Denham-Zinsser-BaileyANGxp1.pdf> (дата обращения: 30.10.20).
19. Gershon P. & Pellitteri J. Promoting emotional intelligence in preschool education: A review of programs // International Journal of Emotional Education. – 2018. – 10. – P. 26–41.
20. Salovey P. & Mayer J. D. Emotional Intelligence // Imagination, Cognition and Personality. – 1990. – 9 (3) – P. 185–211. DOI: 10.2190/duggp24e-52wk-6cdg.

© Карелина И. О., 2020.

УДК 159.923.2

АУТЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т. К. Храмова

*Магистрант,
Московский педагогический
государственный университет,
г. Москва, Россия*

AUTHENTICITY IN THE CONTEXT OF PERSONAL SELF-REALIZATION

T. K. Khramova

*Master's degree student,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

Abstract. This article discusses the categories "authenticity" and "self-realization". Definitions of these concepts are given and their essence is revealed. The main attention is paid to the study of the relationship between these categories. An attempt is made to formulate this connection. A theoretical analysis is presented that indicates a long-standing relationship between these concepts. Quotes from thinkers that reflect this connection are given. The development of the categories "authenticity" and "self-realization" in humanitarian psychology and existential psychology is considered. The problem of interrelation of "authenticity" and "self-realization" in modern psychology is actualized. It is determined that authenticity and self-realization are constantly forming processes in a person's life.

Keywords: authenticity; self-realization; eudemonism; human purpose; self-actualization; potentials; meaning.

Широкое применение в психологии экзистенциализма и гуманистической психологии категорий *аутентичности* и *самореализации* все больше обращает нас к тому, что эти категории целесообразно изучать в тандеме или же в их тесной связи.

Слово «аутентичность» имеет греческие корни (αὐθεντικός) и означает «подлинный, неподдельный». С латинского «реализация» определяется как «вещественный», «действительный» и указывает на осуществление намеченного в жизни. Соответственно самореализация определяется как процесс реализации потенциала личности. Аутентичность подразумевает способность быть самим собой, понимание себя, следование собственным ценностным ориентациям. И здесь «подключается» самореализация, которая воплощает в жизнь человека его идеи, интересы, стремления. «Аутентичность» в понимании «подлинность», «верность самому себе», «согласие с собой» в психологическом дискурсе присутствует еще со времен Античности, если не сказать, что раньше. Теоретический анализ позволяет

нам также говорить о том, что мыслителями была давно обнаружена тесная связь между категориями аутентичность и самореализация.

Аристотель, следуя концепции эвдемонизма, указывал на потенциальные возможности человека, призывал жить в соответствии со своим духом и считал, что человеку важно быть движимым внутренней добродетелью. Философ рассуждал, что для того, чтобы жить полной жизнью, необходимо реализовать своё предназначение. По мнению Аристотеля, мы стремимся к реализации своего потенциала, тем самым движемся по направлению к совершенству [1]. В Средневековье Фома Аквинский обращал внимание на внутренний мир человека и важность следовать своему предназначению, когда говорил: «В каждой душе живет тяготение к счастью и смыслу». Леонардо да Винчи выступал за то, чтобы человек находил в своей жизни своё предназначение и не разменивался попусту, следуя своим порокам. Он говорил: «Печальная участь ожидает того, кто наделен талантом, но вместо

того, чтобы развивать и совершенствовать свои способности, чрезмерно возносится и придается праздности и самолюбованию» [3]. В эпоху Просвещения возник новый виток интереса к деятельности человека, к его совершенствованию, к подлинности внутреннего мира. Жан-Жак Руссо полагал, что аутентичность (подлинность) даёт доступ к внутреннему моральному голосу, интуитивным чувствам относительно того как поступать [6].

Понятие аутентичность в научном обиходе появилось благодаря философу М. Хайдеггеру с развитием экзистенциализма. Заметим, что если в обыденном использовании «аутентичность» предполагает идею «истинного», «настоящего», «соответствующего оригиналу», то М. Хайдеггер говорил об аутентичности относительно потенциальной возможности человека быть человеком в полном смысле этого слова [3]. Для обозначения аутентичности М. Хайдеггер использовал категорию «эмпирической личности», владеющей личным бытием. В связи с этим Хайдеггер рассуждал, что человек может сам принимать ответственность за прояснение жизни, продуктивно использовать время и действовать ясно, концентрировано, устойчиво и наполнено. Это жизнь аутентичная, «собственная» [6].

Рассуждала о способности человека быть самим собой и его самоосуществлении Карен Хорни, изучавшая влияние окружающей социальной среды на развитие человека. Карен Хорни говорила, что «идеалом применительно к себе или к другому становится освобождение и культивация сил, ведущих к самоосуществлению» и считала, что научить человека быть собой нельзя – человек становится собой, когда воспитывается в обстановке, обеспечивающей ему возможности роста [9].

Идею того, что развитие человека как уникальной личности, имеющей устремленность в будущее, способной принимать осознанные решения развивать свой потенциал, сосредотачивает в себе

гуманистическая психология. В экзистенциальной психологии развивается идея о самораскрытии человека и непрерывном развитии его потенциалов. Философ Ж.-П. Сартр сказав, что «человек есть то, что он из себя делает и как творит себя», обозначил этой фразой один из принципов экзистенциализма. В этом смысле аутентичность, которая в определенной степени выступает как некоторое переживание, обращает человека к своим потенциалам, интересам и склонностям. На разных этапах и в разных ситуациях на жизненном пути перед человеком стоит выбор относительно своих возможностей, стремлений, желаний и целей [4]. Совершаемые выборы в том числе обусловлены потребностями человека. Согласно теории Абрахама Маслоу, если потребности человека удовлетворяются, то ему становится проще реализовать свой внутренний потенциал. Маслоу к высшей потребности человека отнес самоактуализацию, характеризуя её как желание стать такими, какими мы можем стать. Самоактуализация понимается как процесс, сущность которого состоит в наиболее полном развитии, раскрытии и реализации способностей и возможностей человека, актуализации его личностного потенциала [5]. Для последователей гуманистической психологии самореализация – это естественное состояние человека. Карл Роджерс, как и Абрахам Маслоу, считал, что стремление человека к самореализации дано ему от природы и является врожденной потребностью. Роджерс утверждал, что аутентичность является важным умением человека быть творцом собственной жизни и жить гармоничной жизнью, у которой есть цель и смысл. Тем самым Карл Роджерс в аутентичности видел условие творческой жизни человека, его развития и самореализации [8].

Американский психотерапевт Джеймс Бьюдженталь называл аутентичность важнейшей экзистенциальной ценностью человека и считал, что аутентичность в

какой-то степени обобщает многие свойства личности. Бьюдженталь выделил три основных признака аутентичного существования: полное осознание настоящего момента жизни, самостоятельный выбор способа жизни в данный момент, принятие личной ответственности за данный выбор. Так Бьюдженталь, со своей стороны указывает на то, что аутентичность способствует успешной самореализации человека [2].

Самоактуализация по Маслоу – это постоянное развитие. Самореализация личности является процессом всей жизни человека. Аутентичность есть постоянно формирующееся качество жизни человека. Аутентичная жизнь предполагает постоянное ученичество, даёт субъекту право на ошибку и потому уязвима и несовершенна, как все живое [4]. В процессе самореализации человеку становится возможным обнаружить таланты, способности, скрытый потенциал, выявить новые интересы, выяснить свои сильные и слабые стороны. То есть самореализация позволяет глубже познать себя и соотнести свои черты и качества с задаваемыми себе требованиями. Мы можем говорить, что самореализация личности способствует её аутентичности. Обнаруживается, что между этими двумя категориями круговая связь: аутентичность задаёт ориентацию на самореализацию

личности и самореализация способствует развитию аутентичности.

Библиографический список

1. Аристотель. Никомахова этика. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf>. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/> (дата обращения 17.10.2020)
2. Бьюдженталь Д. Наука быть живым. Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической психотерапии / пер. с англ. А. Б. Фенько. – М.: Класс, 1998. – 336 с.
3. Гиньон Ч. Аутентичность // Омский научный вестник. Серия «Общество, история, современность». – 2018. – № 1. – С. 66–74.
4. Джозеф С. Аутентичность: Как быть собой. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 304 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.
6. Нартова-Бочавер С. К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 6. – С. 18–29.
7. Нартова С. К., Ирхин Б. Д., Резниченко С. И. Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 500–519.
8. Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию. – М.: ИОИ, 2017. – 240 с.
9. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.

© Храмова Т. К., 2020.

УДК 159.9:37.015.3

**ПРОБЛЕМА ГОТОВНОСТИ БАНКОВСКИХ СЛУЖАЩИХ
К ВНЕДРЕНИЮ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ****Т. В. Черноморец**

*Преподаватель,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Кандидат педагогических наук, доцент,
Московский педагогический
государственный университет (МПГУ),
г. Москва, Россия*

Е. В. Звонова**AN ACTIVE APPROACH TO BUILDING THE WILLINGNESS
OF BANK EMPLOYEES TO IMPLEMENT INNOVATIVE PROGRAMS****T. V. Chernomorets**

*Teacher,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Moscow Pedagogical State University (MPGU),
Moscow, Russia*

E. V. Zvonova

Abstract. The article considers the problem of training bank employees in the context of a high rate of innovation growth in the banking sector of the economy, which requires the study of this type of professional activity as innovative. The conclusion is made that P. Ya. Halperin as the basic basis for the further development of creativity, creativity and critical thinking of future bank employees.

Keywords: formation of readiness for innovations; training of bank employees; interiorization; indicative basis of activity.

Движущей силой трансформации требований к профессиональной подготовке специалиста является требование общества к профессионализму в соответствии с меняющимися условиям развития социума.

В рамках исследований, проведенных в области психологии труда, деятельность сотрудников банка относится к профессиям инновационной сферы, при анализе которых выделяются следующие признаки: а) профессиональная ответственность индивидуализована, поскольку ошибки служащих в инновационных областях легче идентифицировать и персонифицировать; б) индивидуализация связана с высоким уровнем применения компьютерных и телекоммуникационных технологий; в) высокий уровень применения технологий позволяет снизить роль чело-

веческого фактора, делая трудовые ресурсы легко заменяемыми [2].

В докладе Всемирного Банка (World Bank Group), опубликованного в 2019 году [4] особенно выделена проблема изменений требований к рынку труда, а особенно в области финансовой деятельности. Появление в практике банков краутфандинга (анг. crowd funding), блокчейн-технологий (анг. block chain), обработка структурированных и неструктурированных данных (анг. BIG-DATE), машинное обучение (анг. machine learning), микрофинансирование (анг. microfinance) и др. предъявляет к подготовке специалистов банковской сферы новые требования. В первую очередь этот касается готовности овладевать и внедрять в практику новые технологии и быть готовыми к быст-

рым эволюционным изменениям профессиональной сферы.

Данный ракурс указанной проблемы обращает внимание к вопросам готовности к профессиональной деятельности, которая связана не только с личностными характеристиками, но и активно формируется в процессе профессионального обучения [1, с. 89, 318–326]. Мы рассматриваем готовность к профессиональной деятельности как сложное структурное образование, обеспечивающее эффективное выполнение деятельности. Базовой основой выступает качество личности, отражающее совокупность характеристик, создающих потенциальные силы успешности.

Основной причиной неготовности банковских служащих к изменениям и внедрению инноваций является низкий уровень возможности понимать необходимость и суть изменений [2]. Негативное восприятие новых условий труда связано с отсутствием или недостаточным объяснением объективной необходимости. Данная ситуация повышает негативную оценку тенденцию развития профессиональной сферы, вызывая недоверие и сопротивление инновациям работника. Если специалист не готов внедрять инновации из-за низкого уровня знаний передовых технологий, начинаются нарушения и задержки бизнес процессов, переходящее в саботаж. Необходимо не только формировать базовый уровень осведомленности об инновациях, понимание неизбежности и важности внедрения инноваций, но в большей мере необходимо развивать целостное, символично представленное видение общего тренда развития области профессиональной деятельности.

В условиях постоянных изменений в профессиональной деятельности требуется переоценка условий формирования готовности к внедрению инноваций, опираясь на эволюционный подход и рационалистические теории. На наш взгляд, позитивизм как философская концепция рационализма и эволюционного развития научных знаний и практического опыта

может выступать в качестве методологической основы для профессиональной подготовки банковских служащих к внедрению инноваций.

Современные кризисные тенденции развития финансовых рынков вносят в деятельность банковских служащих высокий уровень тревог, стресса, что может приводить к отказу от действий в области инноваций. Специалисту необходимы профессиональные знания и личностные характеристики, способствующие созданию и обновлению модели будущего. Мотивационный аспект, связанный с целеполаганием в профессиональной деятельности, должен быть в центре профессионального развития будущего специалиста, поскольку, сегодняшний учащийся в работе столкнется с интенсивным развитием и видами профессиональной деятельности, которые могли и не рассматриваться в процессе обучения.

Таким образом, в профессиональном обучении будущих сотрудников банка необходимо исходить из того, что реализация инновационных финансовых программ являются неотъемлемой частью будущей профессии, и для их внедрения необходимо развивать особые характеристики мышления [4], в том числе умение моделирования и комплексного решения проблем. Возможность постоянно обновлять имеющиеся знания, гибко адаптировать свое мышление и видение к меняющимся условиям профессиональной деятельности становятся необходимыми. Критическое мышление по отношению к себе, руководству и органам государственной власти является одним из важнейших навыков будущего банковского специалиста, который позволяет быстро трансформировать профессиональную сферу.

Данный аспект не снижает роль базовых экономических знаний, а наоборот, предъявляет требования к освоению методологии бизнес-процессов. Внедряемые инновационные программы – это только инструмент для решения профессиональ-

ных задач. Сущностные характеристики банковской деятельности (значение и роль кредитных отношений, базовые основы выстраивания расчетно-кассового обслуживания) должны быть усвоены в процессе обучения в сущностном, содержательном плане.

Мы считаем, что необходимо выделить структуру и содержание ориентировочной основы профессиональной деятельности, которая позволит моделировать целостный образ будущего. Осознание и этапное прохождение процессе интериоризации, перехода понятий из внешнего мира во внутренний [6], позволяет формировать обобщенные профессиональные умения.

Само понятие интериоризации [лат. interior – внутренний] имеет важное значение в деятельностном подходе, так как подразумевает под собой формирование структур человеческой психики за счет усвоения внешней, социальной деятельности индивидом [7, с. 18].

Рассмотрение интериоризации как трансформации структуры предметной деятельности в структуру внутреннего плана сознания отражено в теории поэтапного формирования психических действий П. Я. Гальперин – расширенное материальное действие в процессе интериоризации обобщается, сокращается и на заключительной стадии в ментальном плане приобретает характер психического процесса.

В рамках психолого-педагогических исследований показано, что использование метода обучения, ориентированного на актуализацию, повышения активности учащихся в процессе усвоения знаний, умений и навыков воздействует на ускорение процессов дальнейшего освоения материала [6, с. 173–197]. Внедрение в образовательную практику подготовки банковских служащих основных положений теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина может выступить теоретической основой формирования

профессиональной готовности к внедрению инновационных программ.

Профессиональная подготовка в системе среднего профессионального образования выстраивается путем прохождения учащимся трех последовательных этапов [5, с. 23]: от учебно-познавательной деятельности (формирование знаний) через учебно-профессиональную деятельность (первичное формирование умений) к реальной профессиональной деятельности (закрепление и конкретизация важнейших умений и навыков). Постоянные изменения на последнем этапе, увеличение частоты внедряемых в банковскую деятельность инноваций ставят задачу разрабатывать и внедрять новые подходы к преподаванию на первых двух этапах.

Разработка ориентировочной основы профессиональной деятельности содержит два компонента: схему основной структуры явлений, объединяемых в понятия, и алгоритм действий по ее распознаванию в этих явлениях или их воспроизведению по этой схеме [3, с. 390–391]. Все указанные компоненты размещаются на ориентировочной карте. Двигаясь по заданному алгоритму, с использованием образа конечного решения (ориентира), обучающийся формирует действия с объектами при помощи необходимых, в том числе символических, орудий деятельности.

В ориентировочной части происходит выделение основных единиц материала, анализируется состав и сочетание различных компонентов объекта, происходит усвоение действий, которые могут быть совершены над объектом. Сущностные характеристики производственных задач не меняются в инновационной среде. Формирование умения тщательно анализировать проблемную ситуацию, рассматривать предстоящее действие с точки зрения конечного результата и промежуточных ориентиров позволяет подготовить будущих банковских служащих к

различным, в том числе и инновационным задачам.

Подготовка учащегося, будущего специалиста банковской сферы в условиях активно развивающегося профессионального мира должна основываться в первую очередь на глубоком понимании методологических принципов работы финансовой системы в целом. Поэтому профессиональное обучение банковских служащих необходимо выстраивать, создавая условия для преобразования личности, готовой к внедрению инновационных программ.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова, Фак. психологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 339 с.
2. Барабанщикова В. В. Профессиональные деформации специалиста в инновационных видах деятельности / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Факультет психологии. – Москва : Когито-Центр, 2017. – 234 с.
3. Гальперин П. Я. Методы, факты и теории в психологии формирования умственных действий и понятий // Психология как объективная наука: избранные психологические труды / П.Я. Гальперин; под ред. А. И. Подольского; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. - 3-е изд., стер. – Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2008. – 478 с.
4. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». Всемирный банк. 2019 год. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. doi:10.1596/978-1-4648-1328-3. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019> (дата обращения 27.07.2019)
5. Зеер Э. Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. – 2-е изд., перераб., доп. Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.
6. Карпова А. Ф. Изменение поэтапного формирования при его систематическом применении // Управляемое формирование психических процессов: [Сборник статей] / под ред. проф. П. Я. Гальперина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 198 с. : ил.; 20 см.
7. Психология развития: словарь / ред. А. Л. Венгер. – М. : PerSe ; СПб. : Речь, 2005. – 175 с.; 25 см.

*© Черноморец Т. В.,
Звонова Е. В., 2020.*

UDC 94(575.1)

PARTICIPATION OF WOMEN IN THE SOCIO-POLITICAL LIFE OF UZBEKISTAN

Kh. Kh. Rakhmonov

*PhD student,
ORCID 0000-0003-1122-3018,
e-mail: raxmonov.xamro@bk.ru,
The Coordination and Methodological Center
of the Uzbekistan's Contemporary History
under the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. This article discusses the issues of increasing the participation and political activity of women in public administration in Uzbekistan. The participation of women in elections and their appointment to leadership positions were analyzed on the basis of statistical data. In addition, the article analyzed contemporary researches dedicated to gender equality, and the existing problems have been critically studied and conclusions have been drawn.

Keywords: independence; women; political activity; social and political life; Oliy Majlis; Parliament; elections; gender equality; public administration.

Special attention is paid to the role and potential of women in the economic and socio-political spheres, as well as the further enhancement of their prestige in the spiritual and cultural life of society in Uzbekistan. In this regard, the country's and regional governments, many social institutions, governmental and non-governmental organizations pay special attention to the full support of women. In particular, the Women's Committee of Uzbekistan was established in 1991, as a non-governmental non-profit organization. From the first years of independence, Uzbekistan has begun to create a legal framework for the protection of the rights and interests of women. On March 2, 1995, the Decree of the President of the Republic "On measures to increase the role of women in the state and social construction of the Republic of Uzbekistan" was issued. This decree raised the development of the system of women's committees to a new level and created conditions for further improvement of women's lives in the country. However, international experiences

have been extensively studied. Uzbekistan was one of the first Central Asian states to ratify the United Nations Convention "On the Elimination of All Forms of Discrimination against Women" on May 6, 1995 (New York, December 18, 1979) [1] and the Convention "On the Political Rights of Women" on August 30, 1997 (New York, December 20, 1952). Representatives of women of our country also participated in the IV World Conference of Women, held on May 6, 1995, under the motto of Peace, Development, and Equality, and joined the Beijing Declaration aimed at improving the situation of women in Uzbekistan [2]. The conference was attended by 47,000 women from 189 countries, and several documents aimed at enhancing the social status of women were signed and specific goals were set. One of the main goals of the Beijing Declaration is to ensure that participating countries adhere to the international standard that women should make up 30 % of the staff in each organization. In Uzbekistan, 1998 has been declared the Year of the

“Family” and 1999 the Year of “Women”, and state programs have been adapted accordingly. This means raising the status of women in society and increasing women's participation in socio-economic and political processes, developing entrepreneurship, ensuring women's participation in political governance, and implementing international and domestic regulations protecting women's rights. Following the positive results of gender equality reforms, Uzbekistan submitted four national reports on the implementation of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women in 2001, 2005, 2008, and 2011, which were highly recognized by the Committee [3].

Indeed, the fact that women are working effectively in all spheres of public life deserves attention and recognition. However, the participation of women in the country's political processes and public administration over the past years cannot be assessed satisfactorily. In particular, in the 1994 elections to the Oliy Majlis, 52 of the 634 candidates were women, of whom 15 were elected. Even in the 1999 elections, the situation remained virtually unchanged. For example, 171 out of 1242 candidates were women, of whom only 18 were elected deputies. This situation can be seen in the low rate in the provinces. In particular, out of 24 women candidates for the Oliy Majlis from Tashkent region, only 4 were deputies. In some provinces, none of the female candidates nominated for the Oliy Majlis received enough votes. For example, 16 women were not elected in Andijan, 12 in Namangan, 11 in Bukhara, and 5 in Syrdarya. According to the researchers, women were often unaware of the election law and its procedures. He also believes that he has not been successful in campaigning, explaining his election programs to the public, working with the community, and not paying enough attention to the culture of speech [4]. Elections to the Oliy Majlis in 1994 and 1999 were unsuccessful for women who ran for parliament. Therefore, in order to ensure the active participation of women in the next elections, support their initiatives, increase

the role of women in the political life of society, Article 22 of the Law on Elections to the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan dated August 27, 2004, should not be less than 30 % of the number [5].

As a result of the change in the attitude to women in the political life of the state and society, the participation and activation of women in socio-political processes and public administration have also increased. In particular, the share of women in the highest bodies of government was 8.2 % in 2000, 13.7 % in 2002, 18 % in the Legislative Chamber of the Oliy Majlis since 2005, 15 % in the Senate, 16 % in the Legislative Chamber of the Oliy Majlis in 2015, and 15 % in the Senate. Although women's participation in the country's political life and governance has increased since the first elections, these figures are unsatisfactory in line with international standards. In 2015, the UNDP Office in Uzbekistan conducted a study on gender balance in the country, according to which the following results were identified. Women make up 45.5 % of the total employed population and 44 % of the unemployed. The share of women in health, sports, education, and the arts is 72.3 %, 10 % in construction, transport, and communications, and 17 % in crime and lawlessness. Also, according to the analysis of the activities of women in public administration in the first 25 years of independence, we can not positively assess the share of women in this regard. In particular, women accounted for 6.5 % in the Cabinet of Ministers, 13.2 % in the judiciary, 19% in local governments, 16.6 % in the councils of people's deputies, 26.8 % in the economic management sector, and 11.2 % of mahalla chairmen [6]. Comparing these figures with the total number of women in the population of the republic, it is clear that the participation of women in the socio-political life of society is unsatisfactory. The fact that there are still no women leaders in political parties in Uzbekistan, half of whom are women, makes it necessary to prepare women for leadership, communication with the population, important decision-making, and to in-

crease their knowledge of management and politics.

According to the statistics in 2018, 45 percent of workers and employees working in various sectors and industries in the country are women. In particular, about 1,400 women hold senior positions in the system of state and public organizations. Of these, 17 were senators, 16 were deputies of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis, and 1,075 were members of local councils of people's deputies [6]. Currently, about 80 % of women in the country work mainly in two social spheres – education and health [7]. In particular, 71 % of public education staff and 62 % of health care workers are women. Now it is necessary to pay special attention to the issue of increasing the number of women in important positions in government and society, as well as in the country's parliament.

In recent years, special attention has been paid to ensuring the participation of women in government and society. In particular, on the proposal of the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev in his speech at the twentieth plenary session of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan on June 21, 2019 [8], a new Senate Committee on Women and Gender Equality was established. The President of the Republic of Uzbekistan also noted that the participation of women, who make up almost half of the population, in the socio-economic, cultural, and political life of society is insufficient. It was at this meeting that Tanzila Norbaeva, the first chairwoman of the Women's Committee in the history of independent Uzbekistan, was nominated for the chairmanship of the Senate of the Oliy Majlis. This proposal was unanimously approved by the deputies. This was an important political step towards ensuring gender equality in the country. With the election of a woman to the presidency of the Senate, Uzbekistan became one of the 56 countries where the head of the chamber is a woman.

The elections to the Oliy Majlis in 2019 under the slogan New Uzbekistan – New

Elections were held based on international democratic principles, and this election has played an important role in the last 28 years, as women have played a significant role in parliamentary history. In particular, according to the results of the 2019 elections, 48 out of 150 deputies elected to the Legislative Chamber of the Republic of Uzbekistan, or 32 %, and 23 out of 100 senators are women [9]. In this regard, it is the best result in the history of the Uzbek parliament compared to previous elections.

It is known that the President has put forward 5 important initiatives to organize work in the social, spiritual, and educational spheres based on the new system. The fifth initiative addresses the issue of women's employment. On this basis, in 2019–2020, it is planned to build lightweight sewing and knitting enterprises in each district and employ women [10]. This will play an important role in ensuring women's employment and improving the welfare of the population in remote areas of the country. The appointment of women to authority in dozens of districts and cities in 2020 is also a practical result of positive changes in attitudes towards women in public life, increasing confidence and reforms aimed at ensuring gender equality in the country.

Bibliography

1. Bulletin of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, 1995., vol.6, art.135. // <https://www.lex.uz/docs/2678973> (accessed 10.04.2020)
2. Social opinion-human rights. Journal 2016.№ 4. Pp.77-78.
3. Abdimo'minov O. History of the Republic of Uzbekistan's relations with the United Nations. The dissertation for the degree of Doctor of Philosophy in History (Doctor of Philosophy). Tashkent: 2018. Pp. 91-93.
4. Urazalieva G. Woman – a subject of politics. Journal of Philosophical Law. 2005, No. 1, p. 47.
5. Quvvatov N. Transition period and social development in Uzbekistan. T. 2003. p. 56.
6. https://uz.fundamental-economic.uz/?page_id=1454 (accessed 7.03.2018)

7. <https://human.uz/news/3/170/> (accessed 10.04.2020)
8. <https://www.uz24.uz/politics/prezident-senatda-hotin-uizlar-va-gender-tenglik-masalalari-bgyicha-ugmita-tuzishni-taklif-uildi> (accessed 24.06.2019)
9. <http://elections.uz/uz/lists/view/2246> (accessed 27.02.2020)
10. <https://www.gazeta.uz/uz/2019/04/03/5-tashabbus/> (accessed 15.04.2020)

© *Rakhmonov Kh. Kh.*, 2020.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, од-

ному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
ORCID
Домашний адрес с индексом
Сотовый телефон
E-mail
Необходимое количество печатных экземпляров

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes

after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2021 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 января 2021 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2021 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2021 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2021 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2021 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2021 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2021 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2021 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2021 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2021 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2021 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2021 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2021 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2021 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2021 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2021 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2021 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2021 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2021 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2021 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2021 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2021 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2021 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2021 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2021 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2021 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2021 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2021 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2021 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2021 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2021 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2021 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2021 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2021 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2021 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения

28–29 сентября 2021 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2021 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2021 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2021 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2021 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2021 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2021 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2021 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2021 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2021 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2021 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2021 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2021 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2021 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2021 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2021 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2021 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,075
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,915

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 4, 2020

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphere.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 15.12.2020. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 9. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33